

A man with a beard and slicked-back hair, wearing a dark suit, is holding a baby in a pink long-sleeved shirt. They are in a close embrace, with the man's face near the baby's head. The background is softly blurred, showing a pink wall with a heart-shaped decoration and a white crib.

Мама
ДЛЯ ВИШЕНКИ
ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Папа для Вишенки

<https://litres.ru/74278253>

Аннотация

Иду на работу, и прямо на улице ко мне подлетает какая-то сумасшедшая с маленьким ребенком. Патлатая тетка утверждает, что является бабушкой... Моей дочки! О которой я знать не знал до этого момента. Видите ли, ее дочь укатила на гульки в другой город и не спешит возвращаться. А она не собирается растить это исчадие ада одна. С этими словами она вручает мне чумазого ребенка и бегом, я не утрирую, резвым спринтом удирает прочь. Я остаюсь с исчадием ада на руках. Понятия не имею, что с ней делать, ведь держу ребенка впервые. Дальше вызов полиции, полный хаос. Хорошо, секретарь у меня рукастая, предлагает помощь, пока я ищу мать полуторагодовой девочки. Спустя пару дней я понимаю, мой секретарь — золото. И как я без нее раньше обходился дома? Даю указания: — С ребенком погулять, купить ей одежду, еду, няню найти, забрать мои вещи из химчистки, проследить за клинингом и так далее. Список длинный, а мне совсем некогда всем этим заниматься. У меня, вообще-то, работа, горит контракт. И тут секретарь мне заявляет недовольным голосом: — Роберт Артурович, у меня подобные обязанности в контракте не прописаны. Я не ваша жена, чтобы

всем этим заниматься. Решаю исправить это досадное упущение в ее биографии. Однотомник. ХЭ Проды: вт., ср., чт., сб., вс.

Содержание

Глава 1. Исчадье ада	5
Глава 2. Откуда ты взялась	12
Визуал	19
Глава 3. Детектив Роберт идет по следу	20
Глава 4. Забывчивый Роберт	27
Глава 5. Куда ее деть?	32
Глава 6. Дома	39
Глава 7. Детский шопинг	45
Глава 8. Вишенка	51
Глава 9. Распаковка	60
Глава 10. Папа или нет	65
Глава 11. Сказочный козел	76
Глава 12. Тест ДНК	82
Глава 13. Принятие. Почти...	87
Глава 14. Вишенка проснулась	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1. Исчадье ада

Часть 1. (Не) мой ребенок

Глава 1. Исчадие ада

Роберт

Только я собираюсь свернуть к офисному зданию, как мне сзади орет какая-то женщина:

— Стой!

Оборачиваюсь, гляжу по сторонам и решаю, что зов адресован не мне. Но вокруг, кроме меня и этой патлатой тетки с ребенком на руках, никого.

Она подходит ближе и, одарив меня неприязненным взглядом, требует:

— Помоги!

Торопею... Потому что наглость зашкаливает. Но где-то на задворках сознания все же всплывает установка, что женщинам с детьми надо помогать.

Поэтому, когда она нагло сует мне какую-то затрапезную сумку с брелком в виде мишки сбоку, автоматом ее беру.

— И дите бери, — огорошивает она меня.

В следующую секунду натурально пихает в руки чумазую светловолосую малявку в розовом платье.

— Я не буду брать. Вы что, издеваетесь? — громко возмущаюсь.

Тетка зло прищуривается и цедит сквозь зубы:

— Твоя рожа, правильно?

С этими словами она достает из кармана застиранного платья выдавший виды мобильник и открывает фото, на котором вправду моя физиономия во весь экран. Откуда только взяла снимок, непонятно, ведь эту мадам я вижу в первый и, надеюсь, в последний раз.

— Роберт Вольф? — не успокаивается она.

— Да, это я, и что?

— Держи дите, папаша! А то как делать, так они все горазды, а как нянчить, так в кусты...

Моя челюсть падает со скоростью реактивного самолета.

— Чего?! Я вам никакого ребенка не делал!

Она смотрит на меня так пренебрежительно, словно ей, толстенной бабище за сорок, противно даже представить интимные отношения со мной. А я, между прочим, тридцатилетний мужчина в самом расцвете сил и физической формы. Высокий, голубоглазый, волосы русые, одет в приличный костюм. Да любой за счастье...

— Я бабушка ейная, дурак! Дочку мою обрюхатил, вот держи приплод!

— Я не брюхатил ничью дочку. — Выставляю руки вперед. — И я не буду брать ребенка.

— То есть как это не будешь? Сам вона на какой тачке

разъезжаешь. — Она указывает головой на мой припаркованный чуть поодаль серебристый джип. — Как сыр в масле катаешься. А ребенка, значит, ему не нать... Сделал — воспитуй!

Резко ее перебиваю:

— Где ее мать?

И тут тетка заявляет:

— На гульки умотала, как обычно, а я не нанималась возиться с этим исчадием ада круглые сутки. Бери, говорю, а то щас брошу!

Я мало что знаю о детях, не люблю их и никогда в руках не держал. Но точно знаю одно — их нельзя бросать. Ни в прямом, ни в переносном смысле. На собственном опыте это проверил, поскольку мать отказалась от меня еще в роддоме.

А тетка меж тем протягивает ребенка в мою сторону и вправду будто собирается разжать пальцы.

На чистом автомате я подхватываю девочку и застываю, потому что не имею ни малейшего понятия, что делать дальше.

Зато бабуля девчонки не раздумывает ни секунды.

Вручив мне внучку, она припускает прочь, да с такой скоростью, что любой спринтер позавидует.

— Стойте! — ору во все горло. — Вернитесь! Заберите ребенка!

Но куда там. За каких-то пару секунд тетка успевает добежать до поворота и исчезает.

Я же остаюсь с сумкой и малышкой, которая продолжает самозабвенно сосать свою руку. Натурально почти всю ее в рот засовывает.

Треш...

Обычный будний день, солнце, улица, пешеходы снуют туда-сюда, и я стою, как обухом по голове прибитый, с незнакомой малышкой.

Сумасшествие!

Такого просто не бывает, чтобы посреди бела дня кто-то всучил ребенка незнакомому человеку. Но вы скажите это девочке, которую я продолжаю держать на вытянутых руках.

Нельзя доверять детей таким личностям, как эта бабища. Это же лютая дичь — отдать ребенка первому встречному. Хотя, если бы я был первым встречным, она бы не знала, как меня зовут, и у нее не было бы моего фото в телефоне. Фото не сегодняшнее, к слову.

Но это все детали.

Сейчас делать-то что?

Так и стою с ребенком, туплю и пытаюсь придумать хоть какой-то выход из создавшегося положения.

Камеры!

Перед входом в офисное здание есть камеры, по которым я могу проследить, откуда она пришла.

Что ж, мне ничего не остается, как взять девочку с собой. Не оставлять же на улице.

Спешу в каморку охраны, требую показать записи.

Но ничего утешительного меня на этих записях не ждет. Да, тетка с ребенком попадает в угол обзора камеры, но и только. У нее ведь на лбу не написано ни имени, ни уж тем более адреса. В этот момент я отчетливо понимаю, что на улице конкретно сглупил. Надо было за ней бежать! Бежать, хватать за руку, требовать доходчивых объяснений.

Потому что мне искренне непонятно, где ее теперь искать и где найти мать ребенка.

Кстати... а ребенок-то где?

Вроде бы я всего на секунду поставил девочку на пол. Отвлекся на просмотр камер вместе с усатым охранником, а дитя уже и след простыл.

— Сбежала, — подмечает охранник угрюмо.

— Девочка? — кричу я, выбегая из каморки.

А та уже несется на всех парах к лифту, привлекая внимание всех вокруг.

Точно исчадие ада. Чумазое и абсолютно неуправляемое.

Подхватываю ее на руки за секунду до того, как она успевает чуть ли не с головой нырнуть в мусорную корзину, что стоит рядом с кофе-автоматом.

— Ты чего пакостишь? — спрашиваю возмущенно.

А она смотрит на меня бездонными зелеными глазами, хлопает длинными ресницами и отвечает:

— Дай...

Тут-то я и понимаю, что разумности в ней ноль.

— Как думаешь, сколько ей лет? — спрашиваю у подоспевшего в нам охранника.

— Не знаю, год-два. У меня внучка двухлетняя есть, но та вроде поболее будет... В полицию звонить надо, в социальную службу.

Именно это и надо сделать.

— Я разберусь, — коротко киваю охраннику и иду к лифту.

Поднимаюсь на четвертый этаж, где находится моя фирма IT технологий.

Прохожу по коридору в свою приемную, с девчонкой на руках, ясное дело.

Мой секретарь в шоке:

— Роберт Артурович, откуда у вас ребенок?

— Если бы я знал...

Заношу чудо в перьях в свой кабинет, усаживаю на диван, наплевав на то, что она, скорей всего, испачкает грязными руками белую обивку. Кладу рядом затрапезную сумку, врученную ее заботливой бабушкой.

Усаживаюсь за стол, достаю телефон, звоню:

— Капитана Пронина, пожалуйста. Как на допросе? Да, мне очень срочно...

Хорошо, у меня друг в полиции, решу дело без проволок. Отыщем мамашу этой девчонки, вручу ей ребенка обратно, и...

И тут слышу за спиной душевный такой звук удара чего-то

тяжелого об пол.

Подскакиваю, оборачиваюсь, а девчонка стоит у моего стола, и рядом с ней валяется мой монитор.

Как?!

Как она вообще слезла с дивана? Он же высокий. Как так шустро добралась до стола? И как умудрилась свалить монитор? Она попросту не достала бы!

Очень скоро понимаю, что она, скорее всего, потянула его за провод. Хватило ж силенок. Целиком она на проводе повисла, что ли? Хорошо, что монитор ее не прибил.

Ведь я отвернулся на микросекунду...

— Я ж тебя на диван посадил, škoda! — выхожу из себя.

— Дай! Дай! — кричит девчонка радостно.

А что дай, зачем дай, не уточняет.

Внезапно я чувствую это... Терпкий такой запахок и характерный пук. А потом девчонка начинает кряхтеть.

— Серьезно? Только попробуй мне наделать в штаны!

В этот момент в кабинет входит мой секретарь, Наталия.

— Роберт Артурович, что случилось?

— Авария, — развожу руками. — Вселенских масштабов.

— Вам помощь нужна? — спрашивает она.

— Да, черт возьми, да мне очень нужна помощь!

Но к этому моменту я еще и близко не успеваю осознать, насколько...

Глава 2. Откуда ты взялась

Роберт

— Скажите, что вы умеете обращаться с детьми! — обращаюсь к секретарю с надеждой.

Наталия кивает, и я впервые за три года нашего сотрудничества вижу на ее лице искреннюю улыбку:

— У меня много братьев и сестер, приходилось возиться.

Ого, даже не подозревал, что она из большой семьи. Впрочем, до этого момента меня вообще не интересовало ничего из личной жизни помощницы. Знаю только, что она пунктуальна, исполнительна и никогда не задает лишних вопросов. А теперь вот оказывается, что у нее есть какие-то родственники.

Наталия тем временем переключает внимание с меня на девочку и ласково сюсюкает:

— Иди ко мне, милая, я тебе что-то дам...

От этого тягучего сюсюканья меня передергивает. Терпеть не могу, когда взрослые люди включают этот идиотский детский лепет. Но малышка и вправду ведется на это абстрактное «что-то», топает к ней на коротких толстеньких ножках, едва не спотыкается о ковер.

И тут я зачем-то ляпаю:

— Только осторожно, она может быть заразной.

Секретарь вскидывает голову, смотрит на меня удивленно, словно я сказал полную чушь:

— С чего вы это взяли?

— Так... — Развожу руками и указываю на мордашку девчонки. — Посмотрите на нее, вся в каких-то пятнах.

— Это просто шоколад, — говорит она с легкой усмешкой, а потом вытирает не пойми откуда взявшейся влажной салфеткой детские щеки. С собой прихватила, что ли?

Действительно, всего через несколько секунд из-под коричневых разводов проступает нормальная человеческая кожа. Бледноватая, но вполне обычная.

Девчонка терпеливо стоит, закрыв глаза, пока Наталия орудует салфеткой.

— И ручку вытрем, — продолжает сюсюкать с ней секретарь, аккуратно очищая липкие детские пальчики.

Я с неудовольствием поджимаю губы.

Может, кому и нравится возиться с детьми, умиляться их физиономиям и неразумным поступкам, но этот кто-то не я. По моему скромному мнению, нет на свете более противных, лживых и подлых созданий, чем не выросшие люди. С ними могут сравниться разве что взрослые человеческие особи. В детстве они хотя бы честно показывают свою сущность — орут, капризничают, ломают все подряд. А повзрослев, учатся прикрывать нутро масками приличия.

Строго смотрю на Наталию:

— Вы можете забрать ее? Мне надо выяснить, откуда она

взялась, чтобы вернуть обратно.

Она кивает, подхватывает девочку на руки. Та удивительно спокойно позволяет себя тискать, обвивает пухлыми ручонками шею секретаря. Наталия подхватывает детскую сумку с дивана, направляется к двери.

— Посидим в приемной, — говорит она мягко. — А вы разбирайтесь.

Дверь закрывается за ними с тихим щелчком, и я наконец могу выдохнуть.

В кабинете воцаряется благословенная тишина.

Первым делом поднимаю с пола монитор, ставлю обратно. Осматриваю на предмет повреждений — корпус целый, экран без трещин. Включаю — работает! Хотя с этим повезло.

Пока дозваниваюсь до приятеля, успеваю еще раз просмотреть скачанное видео с камеры наблюдения. На этот раз внимательнее, покадрово. И подмечаю детали, которых не заметил раньше.

Бабушка девочки появляется в поле обзора камеры примерно за полчаса до моего появления. Не просто проходит мимо — выжидает. Стоит у входа, периодически поглядывает на часы. Девчонка на ее руках хнычет, тянет ручонки к прохожим. Женщина достает из кармана какие-то конфеты, сует ребенку в рот — та мгновенно затихает.

Потом появляется мой серебристый джип. Женщина его видит, стремительно отходит в сторону, притаивается за уг-

лом здания. И как только я выхожу из машины, направляюсь к входу, она выскакивает из засады и начинает свой спектакль.

Теория с первым встречным окончательно отпадает. Эта тетка поджидала меня. Знала, когда я приеду, знала, как выгляжу, даже имя знала. Определенно кто-то ее информировал. Но кто? И главное — зачем? Потому что в версию с отцовством я не верю.

Наконец мне удастся дозвониться до Пронина. В трубке слышатся голоса, звук шагов по коридору, хлопанье дверей — участок в самом разгаре рабочего дня.

— Что у тебя случилось? — Друг стандартно серьезен, как всегда в рабочее время.

— Пронин, мне ребенка на улице всучили. Да, да, на полном серьезе...

Выдаю ему всю историю от начала до конца, в доказательство тут же пересылаю видео с камеры на его телефон.

В этот славный момент в дверь тихонько стучится Наталия. Я машу рукой — мол, не сейчас, но она настойчиво стучит снова.

— Роберт Артурович, я...

— Вы не видите, я занят! — резко ее отшиваю, даже не повернув головы в ее сторону.

Дверь закрывается.

А я продолжаю диалог:

— Говорю же, не знаю, откуда взялась девчонка! Я никому

детей не делал... По крайней мере, насколько помню.

Пронин покашливает в трубку, в голосе слышится плохо скрываемое веселье:

— Ну, мало ли что ты не помнишь... Бывают же презервативы бракованные.

— Очень смешно. Я серьезно говорю!

— И я серьезно. Сейчас пришлю к тебе человечка из социальной службы и полицейского, все им расскажешь, девчонку заберут. Оформим как подкидыша.

— Куда заберут? — спрашиваю настороженно.

— Так понятно куда... В детский дом временного содержания, пока не найдутся родственники или опекуны.

Понятно, да.

Детский дом.

Казенные стены, чужие тети в белых халатах, десятки таких же брошенных детей. Я прекрасно помню эту атмосферу — запах хлорки и несвежего белья, вечно голодные глаза, драки за каждую игрушку.

Я не люблю детей, да.

Не понимаю людей, которые с ними возятся. Не вижу никаких здравых причин, чтобы тратить на них время и нервы. Но все же не желаю этой мелкой карапетке оказаться в детдоме, если есть хоть один шанс найти ее родительницу.

— Нет, — строго говорю. — Давай по-тихому отыщем ее мать, там уж посмотрим.

— А как прикажешь искать? — В голосе Пронина зву-

чит профессиональная усталость. — Ты мне хоть что-то дай. Имя, фамилию, адрес, на худой конец человеческое фото той женщины. Потому что на твоём видео лицо размыто, половина кадров в тени!

— Вы же там профи, отпечатки снимите...

— Роберт, ты думаешь, мы волшебники? А если отпечатков нет в базе данных, тогда что прикажешь делать? У нас не американские сериалы, где по одному волоску находят преступника за пять минут. Давай я вызову соответствующих специалистов, и...

— Я же сказал, нет, — отрезаю строго.

Снова стук в дверь, настойчивый, требовательный.

— Роберт Артурович...

— Наталия, я же сказал, не сейчас! — строго ее отчитываю, повышая голос. — Что у вас может быть такого важного, что вы позволяете себе так бесцеремонно врывать? Это вам не проходной двор!

Да, может, грубо сказал. Но обстановка слишком накаленная, а тут еще секретарь со своими проблемами лезет. В трубке слышно, как Пронин сдерживает смехок — видимо, мой разговор с подчиненной его развлекает.

Наталия поджимает губы, но молча проходит в комнату с ребенком на руках. У девчонки опять грязная мордашка — видимо, она умудрилась где-то еще напакостить. На этот раз щеки измазаны чем-то красным — помадой, что ли?

А потом секретарь так же молча кладет мне на стол ка-

кой-то листок бумаги в прозрачном пакете, с одной стороны выпачканном какими-то коричневыми разводами.

— Что это? — Я вконец теряю терпение.

— Свидетельство о рождении, — с достоинством отвечает Наталия. — Нашла в сумке среди детских вещей.

Раньше отдать не могла, что ли?!

Визуал

Давайте познакомимся с нашими героями поближе!

Наш строгий Роберт Вольф, полностью оправдывающий свою фамилию. Но что-то подсказывает, что судьба ему размякнуть и, а вдруг, начать сюсюкаться с ребенком.

Наталия, палочка-выручалочка и незаменимый работник. У нее свой секрет... Скоро узнаем, какой.

Красивые арты по книге:

Дорогие, любимые, надеюсь, вам понравился визуал, следующая глава выйдет в субботу. Если история нравится, пожалуйста, поставьте лайк в карточке книги (там, где обложка и аннотация). Мы с Музой Валерьевной очень просим вашей поддержки!

Глава 3. Детектив

Роберт идет по следу

Роберт

Ребенка с собой я все-таки решил не брать.

Ведь непонятно, что эта «бабушка» сделает с малышкой, если я вручу ей Виолетту. А именно так зовут шкоду, которую мне вручили этим утром.

Виолетта Татарина, полутора лет отроду.

Мать — Елена Татарина.

И сразу спойлер — это имя мне ни о чем не говорит. Абсолютно. Хоть убей, не помню никакой Елены с такой фамилией. А память у меня, между прочим, отменная — могу воссоздать деловые встречи пятилетней давности с точностью до мелочей.

При помощи Пронина мне удастся выяснить адрес прописки матери девочки. Она проживает в двухкомнатной квартире вместе со своей матерью, Надеждой. Видимо, это та самая «бабушка», которая и вручила мне внучку с утра пораньше.

Вместе с адресом я также получил номер телефона Елены, но он оказался выключен. Точнее, абонент временно недоступен — такая знакомая формулировка автоответчика.

Получив все данные, я срываюсь с работы и еду выяснять обстановку боем.

Навигатор ведет меня в один из спальных районов — серые пятиэтажки времен Хрущева, облупленные фасады, заросшие бурьяном дворы. Паркуюсь возле нужного дома и с отвращением осматриваю здание. Штукатурка местами отвалилась, обнажив бетонные плиты, на балконах сушится белье.

Подъездная дверь заперта, а домофон молчит, приходится дожидаться соседей. Первой выходит пожилая женщина с авоськой, подозрительно меня осматривает: видимо, костюм за три тысячи евро в этом районе — редкость. Следом появляется мужчина, и я проскальзываю за ним внутрь.

Поднимаюсь на четвертый этаж, считаю номера квартир. Вот она, нужная дверь — такая же обшарпанная, как и весь подъезд, обитая коричневым дерматином с потертыми краями. На двери висит звонок советского образца.

Долго жму на кнопку, прислушиваюсь. Внутри раздаются какие-то шаркающие звуки, приглушенные голоса из телевизора, скрип половиц. Кто-то определенно дома, но не спешит открывать.

Жму снова, дольше и настойчивее.

Наконец слышу, как с той стороны возятся с замками — их там, похоже, несколько. Дверь открывает Надежда.

Она выглядит еще хуже, чем утром. В сером махровом халате неопределенного цвета, волосы еще больше всклокоче-

ны, на лице следы недосыпа.

— Чего раззвонились? — хрипло спрашивает она, щурясь. — Кому что надо?

Потом она меня узнает, и лицо резко меняется — появляется настороженность, даже испуг. Явно не ожидала увидеть меня на своем пороге.

— Надежда Татарина, полагаю? — произношу вежливо, хотя внутри все кипит от возмущения.

— Че приперся? Че те надо?

Говорит грубо, нагло, как будто это я ей что-то должен, а не наоборот.

— Я ищу мать девочки, вашу дочь, — объясняю терпеливо. — Где она может быть? Ее телефон выключен...

— Шаболдается в Питере, дрянь такая, — с отвращением бросает Надежда. — Позавчера должна была вернуться, и ни ответа, ни привета. Небось, загуляла, а на дите пофиг. А я вам не нанималась в бесплатные няньки! И без того две недели туда-сюда, туда-сюда с этой мелкой мерзавкой, всю душу из меня вытрясла.

Говорит про собственную внучку, как про обузу, с такой неприязнью, что хочется ей наподдать. Но не грублю ей, сдерживаюсь — мне нужна информация.

Так, Питер. Дело усложняется.

Это тебе не засиделась с подругами допоздна и не укатила к парню на выходные. Питер — это другой город и другие возможности скрыться.

— Адрес питерский есть? — Стараюсь говорить как можно спокойнее.

— Так общага, она там, кажись... — Надежда чешет немытые волосы, думает. — Ща, погодь.

С этими словами тетка возвращается в квартиру, не забыв закрыть дверь.

Стою, как придурок, жду, пока эта особа соизволит найти нужную информацию.

Из глубины квартиры доносятся звуки — что-то падает, Надежда ругается себе под нос. Наконец она возвращается с потертой коричневой записной книжицей.

— Вот, нашла, — бормочет, водя пальцем по исписанной странице.

Диктует адрес, я записываю в телефон, стараясь не показать, как меня раздражает вся эта ситуация.

— Что знала, сказала, — заявляет Надежда, захлопывая книжицу. — А теперь иди отседова.

И вправду, оставаться мне тут больше незачем. Потому что убеждать эту бабку забрать ребенка бессмысленно — очевидно, что ей доверять нельзя категорически.

Но все-таки не могу удержаться от вопроса, который жжет изнутри:

— Как вы могли отдать родную внучку чужому человеку?

В голосе, несмотря на все усилия, звучит неподдельное возмущение. Какой нужно быть тварью, чтобы так поступить с ребенком!

— Так я знала, кому нести, — огрызается Надежда, выпячивая подбородок. — Ленка мне все про тебя рассказала, что знала. Не на помойку же выкинула!

— А вас не волнует, что девочка может оказаться в детдоме? — Не могу сдержаться. — Неужели нигде ничего не екает? Ведь родная кровь...

Не знаю, зачем это говорю, ведь ясно же, что совести в ней ноль.

Однако тетка оскорбляется, смотрит на меня исподлобья, как разъяренная курица, и начинает ворчать:

— Так я ж не в детдом сдала, а к отцу родному отвезла! А то ишь, ездит он на дорогом драндулете, жирует в шикарных ресторанах, а ребенку и конфетки не купил. Сделал — отработывай отцовский долг, я так считаю. Где я неправа?

Ладно, машину она видела — джип действительно выделяется на фоне местных автомобилей. Но при чем тут рестораны?

— Откуда информация, что я обедаю в ресторанах? — уточняю, нахмурившись.

Может быть, она просто предположила, но...

— Дык вы с Ленкой там и познакомились, амнезия у тебя, что ли? — хмыкает Надежда. — Али склероз? «Ампи́р» ресторан, она там работает. Официанткой пашет.

«Ампи́р» знаю и действительно часто там обедаю. Хорошая кухня, приличное обслуживание, удобное расположение рядом с офисом. Но вот никакие Татарины мне неизвестны.

Хотя, если честно, на официанток особо не обращаю внимания — заказал, поел, расплатился и ушел.

Догадываюсь попросить:

— Дайте фото дочки. Есть?

Надежда хмыкает, достает из кармана халата телефон:

— А номерок твой дай, скину.

Диктую номер, жду. Через минуту телефон вибрирует — пришло сообщение с фотографией.

С экрана на меня смотрит круглая зеленоглазая и русоволосая девушка лет двадцати с небольшим. На руках у нее крошечный ребенок — видимо, Виолетта в младенческом возрасте. Девушка улыбается, но улыбка какая-то натянутая, неискренняя. И лицо... Что-то знакомое есть в этом лице, но не могу понять, что именно.

— Чай, правда не помнишь, как познакомились? — ехидно спрашивает Надежда, наблюдая за моей реакцией. — Вы там пьянствовать изволили, барин-государин... Тьфу ты, пакость какая! Обрюхатил девчонку, еще и водиться не хочет. Так и знай, обратно дите не приму! Устала я с ней возиться, сил больше нет.

С этими словами она захлопывает перед моим носом дверь. Слышу, как с той стороны защелкиваются замки — один, второй, третий.

Стою в подъезде, разглядывая фотографию. Девушка определенно знакомая, но где и когда я мог ее видеть — не помню. А память у меня, повторяюсь, отличная.

Но не в Питер же мне ехать за этой Еленой, в самом-то деле!

Глава 4. Забывчивый Роберт

Роберт

Естественно, ни в какой Питер я не полетел.

Есть ведь и другие способы проверить адрес, который мне с таким трудом удалось раздобыть. По дороге в офис звоню нужному человеку, который связывается с питерским детективом и передает ему поручение.

Разумеется, уточняю, четко диктуя условия в динамик мобильного:

— Задание срочное! Хоть всю общагу переройте, загляните в каждую комнату, но отыщите мне мать девочки!

Кладу трубку, спешу обратно в офис. Но тут же попадаю в самую настоящую западню.

Краснодарские пробки — это отдельный вид пытки. Ползу по Северной со скоростью старой ленивой улитки, которая вдобавок решила вздремнуть по дороге. Впереди тянется бесконечная вереница машин, сзади уже подпирает такая же толпа недовольных водителей.

С самого утра все планы в собачью задницу...

Почему именно сегодня все пошло наперекосяк?

Только и делаю, что вожусь с поисками непутевой матери чужого ребенка, будто больше нечем заняться. Езжу по всяким трущобам, общаюсь с неадекватными личностями.

Мне заняться, что ли, нечем больше? Так есть чем!

Я даже не помню, когда в последний раз так нервничал.

Добираюсь до офиса ровно к концу рабочего дня.

Как издевательство и достойный финал ужасной поездки.

Мне с разработчиками надо было сегодня встречаться, новый проект обсуждать. Крупный заказ, кстати говоря, — мобильное приложение для одной сети ресторанов. Бюджет приличный, сроки жесткие, куча технических нюансов, которые нужно было проговорить в деталях. А я на что время трачу?

И ведь не скажешь им: «Извините, господа, мне сегодня подбросили ребенка, которого я якобы сделал какой-то официантке, но не помню ни ее, ни этого события вообще». Прекрасно звучит, особенно для серьезных деловых людей.

Я человек системы, привычек, четкого планирования. У меня есть расписание на месяцы вперед в конце-то концов, стратегические планы на квартал, год.

Когда поднимаюсь в офис, уже начало седьмого. Сотрудники спешат на выход.

Однако в приемной меня терпеливо дожидается секретарь.

Но это не главное.

Главное — то, во что превратилась чистая светлая комната.

Приемная выглядит так, словно через нее пронесся небольшой, но очень деятельный ураган. Повсюду разбросан-

ны бумажки — видимо, из какой-то папки, которую удалось стащить со стола. На полу валяются карандаши и ручки, они рассыпались причудливыми узорами по всему ковру. На белой стене красуется художественное произведение — что-то вроде абстрактных каракулей, выполненных красным маркером.

В углу валяется растение в горшке — не поврежденное, к счастью, но земля из него высыпалась и теперь украшает светлый ковер темными пятнами.

— Что за апокалипсис тут пронесся? — хмуро спрашиваю я, оглядывая масштабы разрушений.

Наталия виноватым жестом достает из-под стола Виолетту. Девочка снова чумазая, на этот раз выпачкана красным маркером. Руки, лицо, даже корни волос — все в красных разводах. При этом выглядит она совершенно довольной собой, улыбается и что-то лепечет.

— Наталия, я же вас просил за ней проследить! — Не сдерживаю раздражения. — Вы что, спали, пока она это все творила?!

В голосе звучит неприкрытое возмущение. Не понимаю, как можно было допустить такое?

— Роберт Артурович, я честно-честно старалась внимательно за ней следить, — оправдывается Наталия, прижимая Виолетту к себе. — Но телефон не умолкал — звонили заказчики, партнеры, приходилось решать срочные вопросы, вас ведь не было. В общем, она добралась до некоторых ве-

щей, но, слава богу, не поранилась...

Да, девочка в порядке. Чего не скажешь о моей приемной.

— Почему меня должны волновать ваши отговорки? — Не могу сдержать сарказма. — Я вроде бы не на луну просил слетать, не сделать что-то невозможное. Банально проследить за маленьким ребенком...

Наталия поджимает губы, в глазах мелькает обида:

— Но ведь у меня есть и другие обязанности, которые тоже нужно было выполнить. Вы же сами говорили, что работа не должна останавливаться...

— Отчего-то я считал вас высококлассным специалистом, способным справиться с любой сложной ситуацией, — отвечаю холодно. — Вы меня очень разочаровываете...

Резко сказал, но нервы уже на пределе. День выдался просто отвратительный, и этот хаос в приемной стал последней каплей.

— Я прошу прощения, Роберт Артурович, — тихо говорит Наталия, опуская глаза. — Уборщица все приберет...

— Может, она еще и стены покрасит? — интересуюсь с сарказмом, кивая на художества, выполненные маркером. — А заодно ковер поменяет?

Наталия молчит, понимая, что оправданий больше нет.

— Так, ладно, — машу рукой, — сегодня уже все равно поздно, я поехал домой. Попытаюсь поработать там.

С этими словами направляюсь к выходу, мысленно планируя, как буду восстанавливать рабочие планы и объяснять

сорванные встречи.

И тут секретарь спрашивает с надрывом в голосе:

— Роберт Артурович, вы ничего не забыли?

При этом многозначительно смотрит на девочку, которую держит на руках.

Останавливаюсь как вкопанный. Точно, ребенок...

Глава 5. Куда ее деть?

Роберт

Как я умудрился забыть про главную проблему дня?

Стою, как последний идиот, смотрю на девочку и совершенно не представляю, что с ней делать. В голове пустота, словно кто-то стер все мысли ластиком. А время идет: сотрудники уже разошлись, и нам пора.

Пока я думаю, Виолетта тянет ко мне ручки и что-то лепечет на своем детском языке. Звуки получаются мягкие, воркующие — «ба-ба-ба», «ма-ма-ма». На лице у нее улыбка, словно день, проведенный за разгромом моего офиса, принес ей массу удовольствия. Маркер на щеках уже слегка размазлся, теперь она похожа на маленького индейца, готового к военному танцу.

В следующую секунду она пытается схватиться за очки Наталии, и та едва успевает ее остановить.

Не ребенок — ходячая шкода.

Е-мое, что же мне с ней делать? Не домой же к себе брать, в самом-то деле. Эдак она мне и там напакостит.

Моя квартира — это святое место: идеальный порядок, белые стены, дизайнерская мебель. Содрогаюсь, представив, что со всем этим может натворить маленькая демоница.

Нет, домой не вариант. А куда?

Впрочем, гениальная идея посещает меня почти сразу. Как озарение свыше — простая, элегантная, идеальная. Идея, которая решит разом все вопросы.

— Наталия, — начинаю я делано ласковым тоном, даже улыбку натягиваю самую обаятельную. — А вы не могли бы взять сегодня девочку к себе?

И тут у секретаря проступает такое выражение лица, словно она изо всех сил сдерживается, чтобы не ляпнуть что-то из разряда: «Мужик, ты не офигел?» Брови взлетают, глаза округляются, а уголок рта дергается от едва сдерживаемого возмущения. И это все при том, что она умеет держать лицо в любой критической ситуации, даже когда я ору.

Несколько секунд Наталия молчит, видимо считает до десяти про себя. Потом довольно твердым тоном отвечает:

— Нет, не могла бы.

При этом даже не удосуживается озвучить причин, почему такое идеальное решение проблемы вдруг ей не подходит. Просто нет — и все.

— Но почему? — возмущаюсь я. — Вы же сами уточнили, что умеете отлично обращаться с детьми, что у вас много братьев и сестер. Для вас это вообще не проблема!

— У нас для нее нет места... — отвечает Наталия, слегка покачивая Виолетту, которая начинает хныкать от нашего напряженного разговора.

— Она мелкая, много места не займет! — возражаю я, жестикулируя так активно, что чуть не задеваю стоящий рядом

стул. — Ну правда же, посмотрите на нее!

— Вы не знаете размеров моей квартиры, — сухо парирует секретарь.

От ее тона становится ясно, что квартира действительно не из больших. Ну и что? Прямо уж для одного ребенка места не найдется?

— Но я же не могу оставить ее в офисе, в самом деле! — хмуро уточняю я.

— Естественно, не можете, — соглашается Наталия с каменным лицом.

Затем она внаглую пихает девочку мне в руки. Просто берет и перекладывает, как мешок картошки. Виолетта при этом издаст довольное «ух!» и сразу хватается за лацкан моего пиджака липкими пальчиками.

Черт! Пиджак-то дорогой, итальянский!

Ничего не остается, как взять ребенка. Так и не придумав новых контраргументов, несу девочку из офиса. На вытянутых руках разумеется, стараясь держать подальше от одежды. А то, не дай бог, испачкает меня окончательно.

Виолетта весит больше, чем кажется, и уже через минуту понимаю, что не такая уж она и маленькая. К тому же мелкая пакость болтает ножками, пытается дотянуться до моего галстука, и я понимаю, что долго ее не продержу.

Впервые мы с Наталией вместе шагаем на парковку — обычно-то я чуть задерживаюсь на работе, разбираю почту, планирую следующий день.

Наши шаги гулко отдаются в пустом коридоре.

Пока спускаемся на лифте, продумываю контратаки по поводу высказываний секретаря. Должен же быть способ ее переубедить! Но, как назло, ничего толкового не приходит на ум.

Когда выходим на улицу и проходим мимо ряда машин, Наталия останавливается возле старого серебристого кроссовера. Машина выдавшая виды, с небольшими царапинами на бампере, зато идеально чистая, по крайней мере снаружи.

— Это ваша? — удивляюсь я, переводя взгляд с машины на хрупкую девушку.

— Да, моя, — кивает она, доставая ключи из сумочки.

Авто подобного размера и модели совершенно не вяжется с внешним видом секретаря — стройной и совсем невысокой блондинки интеллигентного вида. Ей больше подошел бы компактный городской автомобиль.

— Зачем вы выбрали такую модель? — Не могу сдержать любопытства.

— Я же говорила, у меня много братьев и сестер, — пожимает плечами Наталия.

Заглядываю в салон через боковое стекло, и глазам предстает картина, которая сразу все объясняет. На заднем сиденье валяются детские игрушки — потрепанный плюшевый мишка, разноцветные кубики, машинка без одного колеса. На полу рассыпаны крошки от печенья или чего-то подобного, а на спинках сидений виднеются следы детских ног.

На приборной панели и вовсе приклеены яркие наклейки с мультяшными героями.

Пускай детей в машину, ага...

Делаю последнюю отчаянную попытку ее убедить:

— Я заплачу вам хорошую премию, если вы возьмете девочку к себе. Очень хорошую!

Но даже такой жирный слой масла на хлебе нисколько не умаляет ее решимости. В глазах мелькает что-то вроде сочувствия, но ответ остается прежним.

— Нет, Роберт Артурович, сегодня мама со смены вернется поздно вечером, ей надо выспаться. А дети и так стоят на ушах после школы. Не вариант.

Черт, черт, черт! Упертая какая, надо же...

И тут до меня доходит еще одна проблема, от которой хочется биться головой о крышу машины. Я ведь даже увезти девочку домой не смогу, потому что у меня нет детского кресла!

Как я об этом не подумал?

Не усаживать же ее на пассажирское сиденье без всего — свалится как пить дать. А ремень безопасности и вовсе может придушить такую кроху. И почему я не позаботился об этом, когда возвращался в офис? Ведь проезжал мимо торгового центра, где полно детских магазинов.

— Но вы поймите, — говорю с досадой, — я даже не смогу ее довезти домой! Моя машина не приспособлена, как я ее посажу?

Наталия окидывает оценивающим взглядом Виолетту, которая тем временем начинает похныкивать — видимо, устала от нашей возни.

Секретарь тут же кивает с пониманием, открывает багажник и достает оттуда детскую люльку-переноску. Неновая, но в хорошем состоянии, с мягкими вкладышами и надежными ремешками.

— Эта должна подойти для Виолетты, — говорит она, проверяя крепления. — Где ваша машина? Давайте я помогу вам установить кресло.

— Э, нет, не надо ставить кресло в мою машину! — быстро возражаю я, представляя, как эта конструкция будет смотреться в салоне моего джипа.

Наталия смотрит на меня с недоумением, потом усмехается:

— Только не говорите, что вы собрались поместить кресло с ребенком на крышу!

— Зачем? — искренне удивляюсь я ее глупости. — Пусть едет в вашей машине. Она уже достаточно, эм... привыкла к детям.

Пауза. Наталия моргает несколько раз, словно не верит услышанному.

— Вы хотите, чтобы я отвезла девочку к вам домой? Но у меня еще дела, так что...

— Отмените ваши дела, — отрезаю я властным тоном. — И если вы еще не поняли, то поясняю — вы, уж конечно,

едете с нами.

— В смысле — с вами? К вам домой? — В ее голосе звучит плохо скрываемое возмущение.

— Естественно! — возмущаюсь в ответ. — Вы же не думаете, что я сам должен возиться с ребенком?

В конце концов, для чего нужны подчиненные?

— Но, Роберт Артурович, я же сказала... — начинает она.

— Все споры прекратить! — произношу тоном, которым обычно закрываю особо затянувшиеся совещания. — Наталия, вы что, совсем не дорожите работой? Мне не составит труда найти нового, более сговорчивого секретаря!

Последняя фраза решает дело.

Глава 6. Дома

Роберт

Иду по лестничной клетке в сопровождении Наталии, которая согласилась-таки сама нести Виолетту.

С каждым шагом нарастает внутренний дискомфорт.

Словно веду в святая святых диких варваров, которые сейчас все разгромят и перевернут вверх дном. Они же полюбому начнут что-то трогать, переставлять, нарушать установившийся порядок, а я этого очень не люблю. Но что делать...

Достаю ключи, дверь щелкает, открываясь в мой идеальный мир.

Пропускаю Наталию с Виолеттой вперед.

Виолетта сразу начинает крутить головой во все стороны, разглядывая обстановку. Глазенки округляются от любопытства, ручонки тянутся ко всему подряд. К хрустальной вазе на тумбочке, к пульту от телевизора...

— Только не трогайте ничего! — быстро говорю я, перехватывая девочку за руку. — И не вздумайте ничего сломать.

Наталия поправляет девочку на руках и оглядывается вокруг. В ее взгляде читается что-то вроде восхищения, смешанного с легким испугом.

Что ж, мне есть чем восхищаться. Четырехкомнатная квар-

тира в элитном доме, белоснежные стены, дизайнерская мебель цвета венге, встроенная техника. Все идеально расставлено по своим местам, ни пылинки, ни лишней детали.

— Итак, — начинаю я командным тоном, складывая руки за спиной. — Проведу краткий инструктаж. Вот эта дверь ведет в мой кабинет. Туда ни под каким видом нельзя заходить. Ни вам, ни тем более ребенку. Там важные документы, дорогая техника, все должно оставаться в неприкосновенности.

Святое место, куда не ступала нога посторонних.

Перехожу к следующему пункту:

— Кухня — там, можете пользоваться всем необходимым. Только аккуратно! Техника дорогая, импортная. Посуду после себя сразу мыть, крошки убирать, на столе не оставлять пятен.

Заглядываю на кухню, мысленно содрогаясь от представления, что там может натворить ребенок. Белоснежные фасады гарнитура, встроенная посудомойка, духовка с сенсорным управлением — все это явно не предназначено для детских экспериментов.

— Ванная комната рядом с кухней, — продолжаю инструктаж. — Полотенца в шкафчике. После купания все убирать, воду с пола вытирать, зеркала не забрызгивать.

Наталия кивает, как делает это, когда я выдаю ей задания на работе. Виолетта тем временем начинает похныкивать — видимо, устала от долгого дня.

— А спать вы будете в гостевой. Вон та дверь. Там раскладной диван, постельное белье в комод. Естественно, утром все должно быть приведено в первоначальный вид.

Окидываю критическим взглядом гостиную, где мы стоим. Пока все цело, но это только начало.

— Ну, вроде бы все основное рассказал, — резюмирую я, потирая руки. — Теперь мне нужно наконец заняться работой. Сегодня из-за всей этой истории я практически ничего не сделал.

Уже поворачиваюсь к кабинету, предвкушая, как сейчас закроюсь там, включу компьютер, разберу накопившуюся почту, подготовлю документы к завтрашним встречам...

Но тут Наталия неожиданно подает голос:

— Роберт Артурович, но я же без вещей. Как я останусь тут на ночь, у меня же ничего нет...

Останавливаюсь на полпути к кабинету. В ее голосе слышится растерянность, даже какая-то беспомощность. Поворачиваюсь, с досадой глядя на секретаря. Простую задачу решить не может.

— Так пусть вам привезут, — отвечаю с раздражением. — Неужели некому? Я оплачу такси, это не проблема. Достаяю телефон, готовый тут же вызвать машину.

Наталия качает головой:

— Но у Виолетты тоже ничего нет.

Недоуменно смотрю на девочку, потом на сумку с детскими вещами в руках у секретаря.

— Как это? Вон же сумка... — указываю на нее пальцем.

— В сумке была одна смена одежды, но Виолетта пролила на себя сок, и мне пришлось ее переодеть, — терпеливо объясняет Наталия, покачивая девочку, которая начинает хныкать громче. — И потом, в сумке было всего две баночки детского питания, она их съела в обед. Ребенок голодный!

Чувствую, как в висках начинает пульсировать. Опять какие-то проблемы, опять нужно что-то решать. А я-то думал, что самое сложное уже позади.

— Опять же, это не проблема, — говорю, стараясь сохранить спокойствие. — Я сейчас закажу еду. Что она ест? Салаты? Курицу? Наверное, надо какой-то суп...

В конце концов, дети — это же просто маленькие взрослые, разве нет?

Но Наталия снова качает головой, и в ее взгляде мелькает усталость. Будто ей надоело разъяснять мне какие-то очевидные вещи.

— Учитывая, что в сумке были баночки, ребенка могли еще не приучить к обычной пище, — объясняет она медленно, словно разговаривает с не очень сообразительным учеником. — Нужны баночки хотя бы на первое время: каши, смесь...

Моргаю, пытаюсь понять, о чем она вообще говорит.

— Какие баночки? Какая смесь? — возмущенно переспрашиваю я. — Что вы мне голову морочите? Я что, по-вашему, должен во всем этом разбираться?

Достаю из кармана кредитную карту и протягиваю ей:

— Закажите, что нужно, и не засоряйте мой мозг ненужными сведениями. Девочка здесь ненадолго. И себе что-то закажите на ужин, заодно и мне.

Наталия берет карту, но выражение лица у нее остается озабоченным:

— Хорошо, я закажу. Но это не все, что нужно. Еще одежда, хотя бы пара сменок, и у нее нет куртки. И шапочки...

Чувствую, как начинаю закипать. Сколько можно? Одна проблема за другой, словно снежный ком.

— Сказал же, заказывайте, что нужно. В чем вопрос? — раздраженно бросаю я.

— Вещи вряд ли успеют доставить сегодня, но это ладно, — продолжает Наталия, и в ее голосе появляются извиняющиеся нотки. — Еще нужны подгузники, и это срочно. В сумке было несколько, но я истратила их за день. У вас супермаркет в доме, проще и надежнее сходить туда и купить. Вы не могли бы, лучше прямо сейчас...

Мои глаза округляются от возмущения.

— Что?! Вы мне предлагаете тратить время на поход за подгузниками? Что за бред! Пусть Виолетта подождет доставки и...

— Хотите, чтобы она писала на ваш ковер? — спокойно перебивает меня Наталия. — Да без проблем.

Мгновенно представляю свой белоснежный ковер, испачканный детскими... неожиданностями. А ведь дети не толь-

ко писают, но и...

Содрогаюсь от одной только мысли.

Скрежещу зубами от того, что мне вновь приходится заниматься проблемами ребенка. Поворачиваюсь и тяжело шагаю обратно в прихожую.

За что мне все это?

Глава 7. Детский шопинг

Роберт

Вы издеваетесь надо мной?!

Да, да, именно это мне хочется прокричать во весь голос, когда оказываюсь перед полками с подгузниками в супермаркете нашего жилого комплекса.

Полки высятся передо мной от самого пола почти до потолка. Стена из разноцветных упаковок. На каждой пачке улыбаются довольные малыши, а надписи пестрят незнакомыми терминами: «ультра», «комфорт», «премиум», «ночная защита»...

И ладно бы различались только обилием фирм — тут-то я просто справился бы. Взял бы самые дорогие, маленькую пачку, и на этом успокоился. Логика простая: дороже — значит лучше.

Но они ведь еще и по размеру отличаются! На упаковках красуются загадочные цифры: 2, 3, 4, 5, 6... Что это вообще такое? Возраст ребенка? Размер попы? Количество часов защиты?

Достаю телефон, лихорадочно лезу в интернет.

«Как выбрать размер подгузников?» — набираю в поисковике.

Ответ обескураживает: подгузники выбирают по весу ре-

бенка.

В полный рост встает новая проблема: откуда мне знать, сколько весит Виолетта?

Вконец измучившись проблемой выбора, иду на поиски консультанта. Бродя между рядами, наконец нахожу девушку в форменной жилетке. Худенькая, с хвостиком, лет двадцати пяти. На бейджике написано «Анна».

— Простите, — обращаюсь к ней. — Как мне определить, какие подгузники брать? Я не знаю веса ребенка.

Анна поворачивается ко мне с дежурной улыбкой.

— А какие подгузники брали до этого? — спрашивает она простодушно.

Смотрю на нее так, словно она спросила, на каком языке говорят марсиане.

Нет, она определенно надо мной издевается.

— Если бы я до этого их брал, то знал бы какие, — отвечаю сквозь зубы, с трудом сдерживая раздражение.

Анна моргает, явно поняв, что задала глупый вопрос. Смущенно поправляет хвостик и пробует другой подход:

— А сколько лет ребенку?

Наконец хоть один вопрос, на который я знаю ответ!

— Полтора года, — с облегчением произношу я.

Как только называю возраст девочки, дело идет проще. Анна кивает с пониманием, ведет меня обратно к полкам и уверенно указывает на определенную секцию.

— Тогда вам четвертый размер. Вот эти подойдут, — го-

ворит она, доставая упаковку известной брендовой фирмы. — Или вот эти, они чуть дороже, но качество получше.

Естественно, беру дорогие. Пачка весит прилично, и я уже мысленно радуюсь, что наконец-то покончил с этой проблемой.

Но тут консультант интересуется с какой-то загадочной улыбкой:

— А вам нужны только подгузники или что-нибудь еще? У нас широкая линейка детских товаров.

Зависаю над ее вопросом, словно компьютер с заглочившей программой.

У Виолетты ведь действительно ничего нет. Я глубоко сомневаюсь, что где-то в недрах нищенской квартиры ее бабушки есть склад детских вещей, которые мне попросту не отдали. Скорее всего, у девочки только то, что было в той драной сумке.

Вспоминаю собственное детство в детском доме, где новую одежду выдавали раз в год, а на игрушки в витринах магазинов я заглядывался с дикой завистью. Помню, как мечтал о простом плюшевом мишке, который был бы только мой.

Ребенок не должен нуждаться ни в чем. Это неправильно. На чистых рефлексх отвечаю:

— Положите в тележку все, что посчитаете нужным. В разумных пределах, разумеется...

И она кладет.

Боже мой, как же она старается!

Мы плавно движемся от отдела к отделу, и тележка наполняется с угрожающей скоростью. Анна превращается в настоящего торнадо — хватает упаковки, что-то бормочет себе под нос, консультируется сама с собой.

— Влажные салфетки обязательно нужны, — говорит она, кидая в корзину сразу три больших упаковки. — Антибактериальные и обычные. И вот эти, с алоэ, для чувствительной кожи.

Потом крем под подгузник, присыпка...

— А щеточку надо? Зубки уже чистите? — спрашивает Анна, остановившись у стенда с гигиеническими принадлежностями.

Я даже не в курсе, есть ли у Виолетты зубы! Впрочем, вспоминая ее улыбку, надо сказать симпатичную, припоминая два ряда маленьких белых зубиков.

— Чистим, — киваю я уверенно.

Мысленно уже поручаю Наталье как следует выкупать малышку и идеально вычистить ей зубы. В конце концов, гигиена — основа здоровья.

В тележку летит детская зубная щетка с яркой ручкой, зубная паста с каким-то мультяшным героем, шампунь «без слез», бальзам-ополаскиватель, детское мыло с экстрактом ромашки, мочалка-осьминог...

И это мы еще к игрушкам не подошли!

Но Анна уже тащит меня в нужный отдел.

— Для полуторагодовых детей подойдут развивающие игрушки, — рассуждает она вслух, разглядывая стеллажи. — Пирамидки, кубики, сортеры... А вот эти музыкальные игрушки очень популярны!

Хватает какую-то пластиковую штукину, которая тут же начинает играть детскую мелодию и мигать разноцветными огоньками. Звук настолько пронзительный, что хочется заткнуть уши.

Представляю, как эта адская машинка будет орать в моей тихой квартире, и содрогаюсь. Но возражать не решаюсь — ребенку же нужны игрушки для развития.

О своей фразе консультанту о том, чтобы клала все, что посчитает нужным, я пожалел ровно в тот момент, когда касирша спросила, сколько мне нужно пакетов.

— Пятнадцать, — бодро отвечает Анна за меня.

Пятнадцать! Я смотрю на гору покупок и не верю своим глазам. Тележка переполнена до краев, а некоторые вещи даже не помещаются и лежат сверху неустойчивой горкой.

Тут-то я и представил, как буду возвращаться домой, обвешанный пакетами, как выучный ишак.

Собственно, так и вышло.

Ишак Артурович, то бишь я, вернулся к родной квартире спустя полтора часа.

Пока иду, пакеты врезаются в ноги, а в лифте приходится жонглировать покупками, чтобы дотянуться до кнопки.

Как я жал эту кнопку — отдельная тема.

Выхожу на своем этаже, тяжело дыша и чувствуя, как рубашка прилипла к спине.

Вдруг вижу странную картину: у двери моей квартиры стоит какой-то высоченный, но худосочный детина в дешевой черной куртке. Он даже выше меня, наверное, хотя я ростом не обижен.

Морда у него покрыта прыщами, словно он всю жизнь питался исключительно чипсами и газировкой. В правом ухе торчит вульгарная серьга черного цвета, пирсинг есть и на брови.

Мой первый импульс — вызвать охрану.

Но тут замечаю Наталию, которая отчаянно спорит с этим типом:

— Я же просила черный костюм! — возмущенно говорит она, держа в руках какой-то пакет. — Что ты привез? Как я в этом ходить должна?

Прыщавый парень вяло отбивается, почесывая затылок:

— Это ж твой любимый костюм. И потом, ты не просила черный, а сказала «какой-нибудь костюм». Дословно!

Наталия продолжает ругаться, размахивая пакетом:

— Как я в этом должна ходить при начальнике, ты мне объясни?

Она что, с парнем живет? Получается, живет, раз он знает, какой ее любимый костюм, и привез ей одежду. Отчего-то я думал, что Наталия — свободная девушка.

Настроение сразу ухает в минус.

Глава 8. Вишенка

Роберт

Провожая прыщавого детину взглядом с тем же безразличным выражением лица, что и всегда. Не хочу демонстрировать ни малейшего интереса к личным обстоятельствам Наталии. Парень замечает меня и торопливо ретируется, даже не попрощавшись. Видимо, мой вид производит на него должное впечатление.

Иду в квартиру за Наталией.

В нос ударяет запах еды, непривычный для моей квартиры, но не неприятный.

Прохожу в гостиную, ставлю свою армию пакетов на диван, и тут глаза натыкаются на стол. Там уже стоит еще несколько пакетов.

— Что это? — выдавливаю из себя, кивая на стол.

— Вы же сказали, заказать еду для нас и ребенка, вот я и... — объясняет Наталия.

Считаю пакеты, расставленные на столе. Их семь штук. Причем из ресторана только два — я вижу знакомые логотипы того заведения, где Наталия обычно заказывает для меня обед. Значит, остальные пять — для Виолетты. Заглядываю внутрь одного из них. Там какие-то банки, склянки, бутылочки с яркими этикетками. Детское питание, судя по всему.

— Сколько же еды нужно одному маленькому ребенку?
— спрашиваю, не скрывая раздражения.

Наталия поправляет очки и с невозмутимым видом отвечает:

— Ну вы же просили не засорять ваш мозг и брать на мое усмотрение, вот я и заказала. Тут ей хватит на неделю, даже если ничем другим не кормить.

При этом подмечаю в ее взгляде некое злорадство. Она что, специально заказала побольше из желания меня достать? Типа кучу денег потратила и теперь очень собой довольна?

Ха! Она что, не знает оборота фирмы хотя бы за этот год? Прекрасно знает. Я бы мог затарить баночками хоть весь квартал, и это не доставило бы мне особенных финансовых сложностей.

— Ясно... — протягиваю, давая понять, что тему считаю закрытой. — Памперсы я купил, вот они. Поменяйте ей, что там нужно, и давайте ужинать.

Беру два пакета из ресторана и уже собираюсь нести их на кухню, как вдруг раздается громкий шмяк, за которым следует счастливый детский смех.

Оборачиваюсь.

Виолетта каким-то образом умудрилась стащить с дивана один из моих пакетов и теперь радостно в нем копошится. По иронии судьбы она выбрала именно тот, где лежали игрушки. Маленькие ручки ныряют внутрь и выуживают отту-

да что-то ярко-красное.

Мягкую игрушку в форме вишенки.

Девочка прижимает находку к груди и начинает подпрыгивать на месте, издавая восторженные звуки:

— Висика! Висика!

— Вы купили ей игрушек? — Голос Наталии звучит как-то... по-другому. Теплее, что ли.

Теплота? В мою сторону? Из-за того, что я купил ребенку игрушек? Это действительно что-то новое.

Отмахиваясь, словно ничего особенного не произошло:

— Это подойдет ей значительно лучше, чем, скажем, пульт от телевизора.

Виолетта не унимается, скачет по ковру и выкрикивает на одной ноте:

— Висика! Висика!

Звук отдается эхом от высоких потолков гостиной.

— Что она говорит? — спрашиваю угрюмо.

— По-моему, она говорит «вишенка», — отвечает Наталия.

Виолетта радостно бьет себя свободной ладошкой по животу и верещит с таким энтузиазмом, словно объявляет всему миру важную новость:

— А висика! А висика!

— А сейчас что она говорит? — Хмурю брови.

— «Я вишенка», — переводит Наталия с улыбкой. — Смотрите, у нее на платье вправду вишенка.

Только сейчас углядываю на розовом платице девочки вышивку, сделанную явно вручную. Мелкие, аккуратные стежки складываются в изображение вишенки, украшенной стразами. Работа тонкая, кропотливая, кто-то определенно старался.

Наталия приседает на корточки рядом с девочкой, и в голосе секретаря появляются нотки, которых я никогда не слышал в офисе. Мягкие, воркующие интонации:

— Ты у нас Вишенка?

Кажется, эти двое уже успели найти общий язык.

Пока Наталия уводит девочку в ванную, прихватив с собой пачку подгузников и негромко напевая что-то детское, я наконец-то несу пакеты из ресторана на кухню.

Аромат еды напоминает о том, что я не ел с самого утра.

Достаю контейнеры из пакетов: тайская лапша с креветками, утка по-пекински, какой-то салат с манго. Еда еще теплая, от контейнеров поднимается пар.

Чуть позже на кухню подтягиваются и Виолетта с Наталией. Девочка теперь чистая, видно Наталия умудрилась как-то стереть с ее кожи маркер.

Осматриваю офисный прикид секретаря — она все еще в той же белой блузке и черной юбке — и язвительно подмечаю:

— Вам же привезли одежду, отчего не переоделись?

Наталия смущенно поправляет очки:

— Мне привезли не тот костюм, и он... Не тот, в общем.

Тут мне становится по-настоящему любопытно. Что же такого ей привезли? Главное — любимый же наряд, судя по словам того парня. Что с ним может быть не так?

— Мне абсолютно безразлично, что вы там наденете, — говорю равнодушным тоном. — Мы ведь не в офисе. К чему стеснения? Идите, переодевайтесь.

По лицу секретаря вижу, что мои слова пришлись ей не по душе. Брови слегка сдвигаются, губы поджимаются. Но спорить она не решается.

Подхватывает Виолетту на руки и снова исчезает в направлении спальни.

А возвращается...

В пижаме Пикачу!

Я моргаю, думая, что мне показалось. Но нет — передо мной стоит моя деловая, всегда собранная секретарь в ярко-желтой футболке с мультяшным героем на груди и таких же желтых шортах. Причем шорты настолько короткие, что больше напоминают трусы. Шорты-трусы или трусы-шорты — как их правильно называть?

Я бы, может, даже пустил смешок по поводу ее одежды — уж больно не вяжется строгий образ деловой девушки в очках с любовью к Пикачу, но...

Ноги у нее обалденные!

Длинные, стройные, с правильными изгибами. Кожа ровная, без единого изъяна.

Почему я никогда раньше не видел ее ног?

Наталия ведь почти три года у меня работает. Но на работе она одевается строго по-деловому, я бы даже сказал асексуально. Свободные брюки, юбки обязательно ниже колена, блузки, закрытые до горла. Никаких открытых участков тела, никаких намеков на женственность. Оно стильно, да, но и только.

Признаться, до этого самого момента я считал Наталию серой мышью.

Понятное дело, никаких желаний она у меня не вызывала — я ведь предпочитаю женщин поярче. Таких, чтобы сразу было видно: огонь-баба.

А тут...

Вполне себе пожар получается.

И да, в этой облегающей футболке с короткими рукавами у Наталии остро выделяется грудь. Неплохой размер, который приятно заполнит мою ладонь.

С лицом, конечно, не все идеально. Но если убрать эти очки, распустить волосы... А она никогда этого не делает. По крайней мере, со мной.

Для своего этого прыщавого любовника наверняка старается больше.

Впрочем, стоит вспомнить о том парне — а я все еще не знаю точно, кто он ей, — и настроение снова проваливается в пропасть.

Достаю из шкафчика тарелки — белый фарфор, строгий дизайн без лишних украшений. Раскладываю на них еду.

Усаживаюсь за стол и наблюдаю, как Наталия устраивается напротив с Виолеттой на коленях. В руках у нее появляется маленькая ложечка и баночка с какой-то коричневой жижей. Согласно надписи на яркой этикетке, это должна быть говядина с гречкой. Выглядит так, будто это уже кто-то ел, отвратительно, но девочка явно не против.

Все-таки есть что-то завораживающее в этой картине.

Девушка, держащая на коленях ребенка, терпеливо кормящая малышку с ложечки. Виолетта сидит спокойно, широко открывает рот, когда ложка приближается к губам. Иногда причмокивает или издает довольные звуки.

Это смотрится как-то правильно, естественно, как и задумано природой.

Сам не замечаю, как залипаю на то, как Наталия разговаривает с ребенком:

— Ам ложечку, ам...

При этом забавно складывает губы, имитируя процесс поглощения пищи. Виолетта смеется и повторяет: «Ам», разбрызгивая кашу. Последнее меня даже не раздражает, что удивительно.

Да у Наталии и губы красивые. В меру полные, естественного розового цвета — ясно видно, что без помады и уколов. Вообще лицо выглядит очень натуральным и таким... правильным, что ли? Без кукольности, к которой я привык в общении с женщинами.

Понять не могу, что со мной происходит.

Я ведь никогда на нее не заглядывался! Может, дело в долгом отсутствии любовницы? В последние месяцы я закопался в проектах с головой, лето пролетело в один клик, даже не успел этого заметить. А последние отношения разорвал еще в мае. Слишком много требований, слишком много капризов.

Впрочем, на подчиненную пялиться бессмысленно по двум причинам.

Во-первых, я принципиально не завожу романов на работе. Дело и личная жизнь должны существовать отдельно.

Во-вторых, у нее же этот прыщавый...

Неужели она не понимает, что он ей совершенно не подходит? Такая образованная девушка, культурная, с хорошими манерами, и рядом это высоченное чудо природы. При котором она спокойно ходит в шортах-трусах, и который смело роется в ее личных вещах. Значит, между ними близкие отношения?

Не успеваю заметить, как из моего рта вылетает:

— Кстати, я попросил бы никаких особей мужского пола сюда больше не водить.

Голос звучит жестче, чем планировалось.

Наталия поднимает на меня удивленные глаза:

— Так я не водила. Мне просто привезли вещи...

Строго подчеркиваю, чтобы не было никаких недопониманий:

— Никаких мужчин.

Наталия вдруг смеется — звонко и искренне:

— Пашка не мужик.

Сжимаю вилку покрепче:

— А кто он? Девушка?

— Пашке всего семнадцать, он еще школьник, какой из него мужик, — объясняет она, продолжая улыбаться.

И прежде, чем я окончательно успеваю обалдеть от этой новости, она добавляет самое главное:

— Он мой брат.

Нет, со мной определенно происходит что-то не то...

От последней ее фразы по телу прокатывается волна облегчения — почти физически ощутимая.

— Братьев можно, — великодушно разрешаю.

Глава 9. Распаковка

Роберт

Следующие два часа мне также не удастся поработать. Прямо заговор какой-то!

После того как дамы изволят отужинать, они сразу бегут потрошить пакеты, которые я принес из супермаркета. Виолетта буквально набрасывается на шуршащие свертки, пытается их разорвать маленькими ручонками. Наталия помогает ей, аккуратно разрезая их ножницами.

Первой на свет божий появляется мягкая пирамидка из разноцветных колечек. Виолетта тут же хватается за нее, трясет — внутри что-то приятно звенит. Девочка издает восторженный визг, который эхом отражается от стен моей обычно тихой квартиры.

Дальше — больше. Музыкальный телефончик с кнопками, при нажатии на которые раздаются веселые мелодии и голоса зверюшек. Виолетта давит на все подряд, создавая какофонию звуков — тут тебе и «мяу», и «гав-гав», и незатейливая детская песенка про петушка.

Набор кубиков с яркими картинками вызывает не меньший восторг. Девочка швыряет их по полу, они громко стучат о паркет. Один кубик отлетает аж к стойке с телевизором, второй застревает под диваном.

Большой мячик с шипами и пищалкой внутри — это вообще хит программы. Виолетта прижимает его к себе, мячик громко скрипит, и девочка заливается смехом. Потом отпускает, мяч отскакивает, она ползет за ним, снова хватает — и все по новой.

Игрушки все не заканчиваются, продолжают вызывать у девочки бурю эмоций.

Однако ж найденную самой первой вишенку Виолетта почти не выпускает из рук — видно, что больше всего понравилась. Она даже периодически целует игрушку. Точнее, приклоняется к ней лицом, имитируя поцелуй.

Необычное зрелище, никогда раньше мне такого видеть не доводилось.

Я вроде бы собирался завернуть прямиком в кабинет и наконец погрузиться в дела. Но уйти не могу, замороженный видом детского счастья.

Как же я мечтал в детстве, чтобы меня вот так засыпали игрушками, которые были бы только мои! Чтобы каждую потрясти, со всех сторон рассмотреть, попробовать на зуб. Да что там — аккуратнейшим образом расставить возле своей кровати и любоваться часами.

Никогда мне такого счастья не перепало.

Зато теперь, наблюдая за детской радостью, я будто переживаю моменты, которых так не хватало в детстве. Будто я все это не для Виолетты купил, а для маленького Роба, который до сих пор живет в потаенных углах сознания и кото-

рому тоже хочется поиграть.

Все-таки это приятно — дарить ребенку игрушки. Особенно когда идет такая яркая отдача. Поневоле чувствую себя эдаким Дедом Морозом, хотя до Нового года еще почти четыре месяца. Надо признать, чувство более чем приятное.

Что удивляет, так это то, что Наталия тоже радуется, как девчонка. С воодушевлением показывает Виолетте, как надо звенеть погремушками, собирать пирамидки и кубики. При этом лицо у нее делается совершенно детским — глаза горят, щеки румянятся, она смеется вместе с малышкой. Очки съезжают на кончик носа, и она постоянно их поправляет.

После игрушек Наталия добирается до пакетов, где лежат всякие разности для ежедневного обихода малышни.

Детские влажные салфетки, шампунь «без слез», мягкие махровые полотенца с капюшонами в виде зверушек и прочее.

Когда дело доходит до пластиковых шуток, которые детям надевают перед едой, и ярко-желтого горшка в виде утенка, я ловлю на себе уважительный взгляд Наталии.

Взгляд этот меня удивляет больше всего остального.

Обычно Наталия на меня смотрит нейтрально, угодливо, с готовностью выполнить все мои указания. Иногда с легкой опаской — когда я недоволен или раздражен. И никогда вот так — с долей восхищения, будто я совершил что-то действительно достойное.

— Вы подумали обо всем, — говорит она тихо, разглядыва-

вая детский крем и присыпку. — Я бы и половину нужного не вспомнила.

Разбор вещей действует на нее странным образом. Надо же, понравилось!

А ведь ей-то я ничего не купил. Ни зубной щетки, ни чего еще нужного. А надо было. Не догадался, болван. Завтра исправлюсь обязательно.

Но если ей ничего не перепало, почему она на меня так смотрит? И почему это меня настолько волнует?

Эти две особы женского пола, маленькая и большая, странно на меня действуют. Словно распаковывают не только пакеты, но и мои тщательно запрятанные чувства, которые я вообще никому никогда не показываю. Осознание заставляет меня нехило так напрячься.

Неожиданно Наталия спрашивает:

— А куда же мы все это денем?

Вопрос вопросов.

Оглядываю гостиную и понимаю, что секретарь права. Комната теперь напоминает филиал детского отдела супермаркета — повсюду разбросанные игрушки, коробки, упаковки. Виолетта сидит посреди этого хаоса, крепко прижимая к себе вишенку и одновременно пытаясь дотянуться до музыкального телефона.

Ничего здесь уже не напоминает о строгом минималистичном стиле отделки, как задумывалось декоратором.

Машу рукой, отдавая очередную комнату на поругание:

— Несите в гостевую, пока что эта комната объявляется детской.

Сам чешу лоб, подмечая, как разительно и быстро меняется моя квартира, адаптируясь под нужды маленькой девочки. Еще вчера здесь была образцовая холостяцкая берлога, а сегодня... Эдак маленькая Вишенка скоро заполонит своими вещами и мою спальню!

Главное — к ней не привыкать. И к Наталии, расхаживающей по моей квартире в костюме с Пикачу, — тоже. Они здесь временно, это надо помнить.

Уже собираюсь все-таки запереться в кабинете и поработать, как приходит сообщение от человека из Питера. Того самого мальчика, который был отправлен на поиски матери Вишенки.

Наконец-то новости.

Глава 10. Папа или нет

Роберт

Спалось мне в эту ночь, мягко сказать, хреново.

Ворочался с бока на бок, стараясь найти удобное положение на своей ортопедической постели. Главное, раньше спал как младенец. А теперь...

Мысли бесконечно крутятся вокруг Вишенки и ее пропавшей матери, словно заевшая пластинка.

Дело, которое казалось плевым: найти мамашу-гулену и сплавить ей ребенка обратно, неожиданно приобрело серьезный оборот.

К шести утра я окончательно сдаюсь, не уснуть мне сегодня.

Еле-еле дождавшись семи утра, снова звоню своему человеку, который полночи опрашивал жителей общежития в поисках Елены Татариной. Вчера он мне так ничего толком и не сообщил, надеюсь сегодня ситуация изменится.

Лежа в кровати, слушаю длинные гудки.

— Алло, — наконец раздается сонный голос детектива.

— Ничем порадовать вас пока не могу, не нашли...

— Как это — до сих пор не нашли? — тихо рычу в трубку.

— Вы вообще профессионал или кто? Неужели так сложно найти одну-единственную девушку? Не поверю, что ни одна

живая душа не знает, куда она подевалась.

В трубке слышится шорох — видимо, мужик окончательно просыпается.

— Роберт Артурович. — Его голос становится более собранным. — Ее однокурсницы утверждают, что она пропала три дня назад, в ночь перед последним экзаменом. Не явилась на него, хотя готовилась очень серьезно. И даже вещей не забрала из общежития, хотя оплата койки у нее закончилась как раз в тот день.

— Так, подождите, — медленно произношу я, пытаюсь сложить картинку воедино. — Это общежитие при учебном заведении? Она уехала в Питер сдавать сессию?

— Именно так. Заочное отделение Политехнического, факультет информационных технологий. И, насколько я понял из разговоров с девушками, весьма успешно справлялась. Учится на последнем курсе и метит на красный диплом. Тем более странно, что не явилась на последний экзамен. Говорят, очень ответственная, никогда не прогуливала, всегда все вовремя сдавала.

— Ясно, — хрипло говорю я. — Продолжайте поиски. И держите меня в курсе, понятно?

— Понятно, Роберт Артурович. Уже связываюсь с местной полицией, будем подавать официальный запрос на розыск, но будет проще, если родственница напишет заявление о пропаже.

— Напишет, — обещаю ему и отключаюсь.

Я сажусь в край кровати, крепко задумавшись.

Образ разгильдяйки, который нарисовала передо мной ее мать, никак не стыкуется с тем, что рассказывает детектив. Ответственная студентка, которая метит на красный диплом, не может вот так взять и исчезнуть в ночь перед последним экзаменом.

Значит, либо бабка мне наврала, либо...

Сразу же звоню бабушке Вишенки. Трубку долго никто не берет, затем слышатся какие-то шорохи, ругань вполголоса.

— Надежда, здравствуйте, это Роберт Вольф беспокоит, — стараюсь говорить ровным тоном, хотя внутри все кипит.

— Че трезвонишь в такую рань, не спится тебе, да? — раздается недовольный голос.

Чувствую в последних словах откровенную издевку и с трудом сдерживаю желание послать эту особу куда подальше.

Надежда тем временем продолжает откровенно злорадствовать:

— А ты почувствуй, каково оно — возиться с доченькой. Насладись на полную катушку. Авось после такого начнешь уважать других людей и понимать, как оно тяжело с малыми детьми...

Ты посмотри, какая умница-разумница тут нашлась. У нее дочь пропала без вести, а она учит меня жить. Сжимаю зубы так крепко, что слышится отчетливый скрип.

— Почему вы мне не сказали, что Елена уехала на сессию? — Отчеканиваю каждое слово. — Зачем наврали про гульки

и развлечения?

В трубке повисает пауза. Слышно, как где-то на фоне работает телевизор.

— Ой, а разница-то в чем? — наконец подает голос Надежда, и теперь в ее тоне появляются злые ноты. — Сессия, гульки, все одно на меня доуку сбросили. Я считаю, если родили ляльку, то родители ею и заниматься должны, а не на бабушку все скидывать. Я вон в свои года сама с дочкой возилась, ни на какие сессии не ездила, работала на трех работах...

Оно и видно, что не ездила на сессии. Интеллект так и прет со всех щелей. Но сейчас не время для язвительности.

— Ясно, — отрезаю строго, стараясь не повышать голос. — Готовьтесь, скоро за вами заеду. Поедем в полицию писать заявление о пропаже Елены.

Надежда резко теряет боевой настрой. В голосе появляется нотка испуга:

— То есть как это — о пропаже? Что за ерунда? Да в Питере она, никуда не пропала. Я ж дала тебе адрес, чай не тупой. Или не понял, что ее там надо искать?

— Ваша дочь пропала, — медленно и четко произношу я. — Ее нет по указанному адресу, и однокурсницы не имеют понятия, где она находится. Неужели у вас даже мысли не проскочило, что с Еленой могло что-то случиться?

В трубке тишина. Потом слышится звук — видимо, женщина тяжело опускается на диван или кресло.

— Ладно, давай свою полицию. — Голос становится тихим, сдавленным. — Хотя и не люблю с ними сталкиваться... У меня проблемы были когда-то...

Конечно, были. У таких людей всегда проблемы.

— Буду через час, — коротко бросаю я и кладу трубку.

Проскрежетав зубами от злости и навалившихся проблем, иду в ванную.

Быстро принимаю душ и выхожу из ванной, как обычно, — в одном полотенце на бедрах.

И тут же натываюсь на обомлевшую Наталию, которая стоит неподалеку.

— Э-э... — тянет она, и глаза ее становятся круглыми, как блюдца.

Самое интересное, что взгляда не отводит. Так и пялится на мой голый торс, словно впервые в жизни видит мужчину без рубашки.

Щеки у нее вспыхивают ярким румянцем, но смотреть не перестает. Там, конечно, есть на что любоваться, я ведь не зря по три раза в неделю хожу в спортзал. Рельеф мышц действительно приятен глазу, пресс накачан, плечи широкие. Но это не оправдывает того, как ведет себя Наталия.

Неужели никогда не видела нормально сложенных голых мужиков? Двадцать пять лет девке, а краснеет, как школьница на уроке анатомии. Допросится ведь... Такими-то взглядами.

Да, про гостей-то я и забыл, когда выходил из ванной в

таком виде.

Все-таки решаю, что нехорошо щеголять полуголым перед сотрудницей.

— Секунду, — бурчу я.

Шумно вздохнув, разворачиваюсь и возвращаюсь в ванную, хватаю с крючка пушистый белый халат. Мягкая махровая ткань приятно ложится на влажную кожу.

Одевшись, направляюсь прямиком на кухню.

Нужно быстро позавтракать и ехать.

На кухне пахнет свежесваренным кофе. Наталия постаралась?

— Роберт Артурович, — раздается за спиной ее голос.

Поворачиваюсь и вижу секретаря уже более собранной, хотя румянец на щеках еще не сошел полностью. Она устроилась за столом с чашкой кофе в руках.

— Мне нужно с вами поговорить, — просит она.

— После, Наталия, — пытаюсь от нее отмахнуться, достаю из холодильника молоко, чтобы добавить в кофе. — Сейчас некогда, дел выше крыши.

Но она проявляет редкостное упорство:

— Нет, выслушайте меня сейчас. Это важно. Мне кажется, что бабушка Вишенки соврала про ее маму. Ну, что она гуляющая, о ребенке не заботится...

Ставлю бутылку молока на стол и поворачиваюсь к ней всем корпусом. Моя бровь ползет вверх.

— Та-а-ак... — протягиваю я. — И почему вы так реши-

ли?

Наталия поправляет очки на носу. Всегда она так, когда нервничает, уже подметил.

— Виолетта много чего умеет для своего возраста, — выдает она. — Слишком много для ребенка, которым не занимаются.

Хмурю брови:

— Вчера я никаких особых навыков у нее не заметил. Обычный ребенок, разве что чересчур шкошливый.

— Как же? — Наталия наклоняется вперед, и голос ее становится увлеченным. — Она умеет собирать пирамидки в правильном порядке, знает несколько слов, причем произносит их довольно четко. Она знакома с зубной щеткой и не сопротивлялась, когда я ей чистила зубы. И вообще выглядит ухоженной — волосы аккуратно подстрижены, ногти обрезаны, на коже нет никаких высыпаний или раздражений.

Хм, все эти детали прошли мимо меня.

— Еще, — продолжает Наталия, явно входя в азарт, — в ее сумке, хоть та и потрепанная снаружи, я нашла бутылочку очень хорошей фирмы, антиколиковую. И подгузники ей с собой положили не абы какие, а премиум-класса, причем японской фирмы. Я знаю, сколько такие стоят. Это очень дорогие подгузники.

Внимательно смотрю на Наталию и поражаюсь ее наблюдательности. Составила за один день целое досье.

— И потом, — продолжает она, — вышивка в форме ви-

шенки. На обоих платьях одинаковая, сделанная явно с большой любовью.

Вспоминаю подмеченную мной вчера вышивку. Действительно, работа кропотливая и качественная.

— Зачем вы мне все это говорите? — хмурю брови, хотя в душе уже понимаю, к чему она клонит.

Наталия решительно смотрит мне прямо в глаза:

— Я не верю, что мать, которая так тщательно заботится о своей девочке, могла вот так взять и бросить ее, умотав неизвестно куда и не сообщив о себе никому. А значит...

— Значит, с матерью что-то случилось, — договариваю я за нее.

— Именно, — кивает Наталия. — Вы же разберетесь с этим, да? Найдете ее?

В ее голосе звучит такая уверенность в моих способностях, что становится даже неловко.

— Естественно, — отвечаю я чуть резче, чем хотел. — Уже разбираюсь — и справлюсь без ваших советов.

Наталия поджимает губы, словно от обиды. Хотя что я такого сказал? Просто констатировал факт. Женщины — непредсказуемые создания.

Впрочем, моя помощница быстро берет себя в руки и продолжает:

— Я бы еще на вашем месте сделала ДНК-тест.

Чуть не давлюсь глотком кофе. Ставлю чашку на стол с легким звоном.

Кто-то явно зарвался. Или совсем обалдел... Или все вместе.

— К счастью, вы не на моем месте, — говорю я ледяным тоном. — И уж конечно, я прекрасно обойдусь без ваших рекомендаций в этом вопросе. Виолетта не может быть моей дочерью.

Казалось бы, я четко выразил свою позицию, но Наталия снова проявляет чудеса упорства.

Спокойно отвечает, поправив очки:

— Вы с ней очень похожи.

Абсолютно глупый и смехотворный аргумент! Сложно найти более разные типы внешности, чем у меня и у Вишенки.

— Наталия, — говорю я с нарочитым спокойствием, — по-моему, вам давно пора сменить очки. Очевидно, что в нынешних вы плохо видите. Мы с Виолеттой абсолютно разные, даже слепой это заметит.

Но она смеет настаивать:

— Нет, вы очень похожи. Одинаково хмуритесь, когда чем-то недовольны. Брови у вас одной формы — густые, с таким же изгибом. Очертания губ тоже схожие. У вас даже ресницы одинаково пыш...

— Хватит нести чушь! — не выдерживаю я, хлопая ладонью по столу. — Она не моя дочь, и она абсолютно на меня не похожа.

Звук получается громче, чем я рассчитывал. Где-то в глу-

бине квартиры раздается встревоженное сопение — видимо, Вишенка просыпается.

Однако мой резкий ответ несколько не смущает Наталию. Более того, она достает из кармана прозрачный файл, в котором лежит ватная палочка.

— Просто проверьте, — просит она, протягивая мне файл. — Здесь образец ее слюны. Съездите в любую лабораторию, сдайте анализ на отцовство. Будете знать наверняка.

Смотрю на протянутый файл, как на змею. В голове проносится вихрь мыслей, большинство из которых довольно панические. А что если... Нет!

Только чтобы завершить этот бессмысленный спор и получить хоть немного покоя, я кладу файл в карман халата.

— Ладно, — говорю примирительным тоном, — так уж и быть, сделаю анализ, раз вы не отстаете. Хотя это пустая трата времени и денег.

Естественно, проверять ничего не буду. Выкину этот файл где-нибудь на улице, чтобы Наталия не видела.

— А теперь мне действительно пора, — продолжаю я. — Надеюсь, с заказом завтрака для себя и Виолетты сами справитесь? Картой я вас снабдил.

Встаю из-за стола, собираясь наконец-то уйти переодеться, как вдруг получаю от Наталии совершенно неожиданный вопрос:

— А вы что, хотите, чтобы я осталась тут вместе с Виолеттой? Одна? На весь день?

Поворачиваюсь к ней, недоумевая:

— А вы предлагаете мне таскать полугодовалую девочку сначала к бабушке, потом в полицейский участок, а потом в офис? — усмехаюсь. — Не смешите меня, Наталия. Это абсолютно безумный план.

Глаза у нее становятся еще круглее:

— То есть вы серьезно хотите, чтобы я одна нянчилась с чужим ребенком целый день? Я?

Ее реакция начинает меня откровенно бесить.

— Ну не я же! — повышаю голос. — Наталия, просыпайтесь наконец и включайте голову.

На этом резко разворачиваюсь и ухожу из кухни, не дожидаясь ответа.

Быстро собираюсь, натягиваю деловой костюм. Хватаю ключи, телефон, бумажник и исчезаю из квартиры, пока Вишенка окончательно не проснулась.

Глава 11. Сказочный козел

Наталия

Роберт Артурович так сильно бахает входной дверью, что я аж вздрагиваю.

Хотя сижу на кухне, а совсем не в прихожей.

Ровно через пару секунд слышу из спальни хныканье Виолетты.

Разбудил, скотина такая!

И теперь что? Теперь фигушки мне с маслом, а не завтрак и уж тем более какой-никакой душ.

Захожу в спальню, а Виолетта уже сидит в кровати, трет глазки. Хорошо, никуда не скатилась, хотя я предусмотрительно обложила девочку подушками со всех сторон.

Воркую с малышкой. Беру ее на руки, несу в ванную, там раздеваю, умываю, чищу зубки.

— А теперь завтракать, моя хорошая, — треплю ее за пухлую щечку.

Стараюсь быть с Виолеттой нежной и ласковой, ведь девочка не виновата в том, как ведет себя ее отец. А в том, что он ее отец, я лично не сомневаюсь, потому что девочки часто похожи на своих отцов, особенно в раннем возрасте. И Виолетта — прямое тому доказательство.

Дело даже не в лице.

Я еще вчера подметила, что у Вишенки мизинцы на ногах точно так же чуть скошены к безымянным пальцам, как у Роберта Артуровича. Откуда мне это известно? Я работаю с ним уже три года, и знаю об этом человеке все. Где обедает, ужинает, с кем общается, какую одежду предпочитает и даже какие трусы себе заказывает.

Еще мне пару раз приходилось возить ему документы в сауну, где он отдыхал вместе с партнерами по бизнесу. В последний раз он встретил меня, замотанный в простыню на манер римской тоги. Выглядел и вел себя практически, как греческий бог, только лаврового венка на голове не хватало. При этом был в шлепанцах.

В общем, заметила я мизинцы. И не только...

И да, меня поражает, с каким пренебрежением он относится к собственной дочке. Как отвергает даже возможность того, что она может быть его по крови.

Не понимаю...

Она же хорошенькая, как картина, умненькая и ласковая.

Холостяцкую жизнь терять не хочет? Заниматься ею ему претит?

Ну правильно, проще сплавить девочку на меня и усви-стать куда подальше. И ладно бы по-человечески попросил: «Наташенька, мне нужно найти мать девочки, посидите с ней, пожалуйста».

Что я не посидела бы, что ли? Посидела бы, конечно, и понянчилась.

Мне не сложно ему помочь, отлично умею ладить с детьми. У меня трое братьев и две сестры. Мама была три раза замужем и в каждом браке нажила по два ребенка. Я старшая, так что у меня было море практики.

Но вот так бросать: «Ну не я же...»

Типа я ему обязана, что ли?

Ведет себя, как хам из подворотни, пусть и изъясняется деловым языком.

Я ему кто, ручная собачка, которая должна бежать по первому зову с тапочками в зубах? Не на ту попал!

Вообще-то, я секретарь, у меня рабочий день с девяти до шести. И если уж он хочет какой-то помощи сверх рабочих обязанностей, то должен хотя бы вежливо о ней попросить, а не принять как само собой разумеющееся.

Или... Допустим... В порядке бреда взял бы да поблагодарил.

Сказал бы: «Спасибо, Наташенька, за то, что выручила в трудной ситуации».

Но не-е-ет, его величество Роберт Горделивый, наверное, даже не подумал о таком. Зачем ему благодарить какую-то там секретаршу, которая ежедневно разгребает за ним кучу дел? Максимум — премию выпишет. Оно и на этом спасибо, конечно, ведь деньги никогда не лишние, но такое отношение убивает.

Его поведение просто за гранью.

— Висика, висика! — кричит Виолетта, наконец найдя

свою любимую игрушку.

Носится с ней по гостиной с радостным хихиканьем.

А я хожу по квартире и прибираю вещи, ищу каждой свое место, как любит шеф. Параллельно вытираю пыль, навожу порядок в ванной. Заказываю еду с расчетом, чтобы хватило и мне, и господину Вреднятине на ужин и заодно завтрак тоже.

Зачем стараюсь? Понятия не имею, ведь не оценит.

Такие, как он, ничего не ценят.

А все-таки как же он умудрился сделать этой несчастной Елене ребенка и даже не озаботиться возможными последствиями? Не умеет предохраняться?

Да, у некоторых с этим проблемы, знаю не понаслышке.

Моя мама — прямое тому доказательство. Она настоящий конвейер по производству детей, фертильность на грани фантастики. Скромно полагаю, что она может забеременеть даже от зубной щетки.

Я ее ни в чем не виню, нет. Мама у меня очень хорошая, люблю ее, своих братьев и сестер. Но сама использую самое надежное в мире противозачаточное средство — попросту ни с кем не сплю.

Нет уж, мне маминой судьбы не нужно. Сначала своя квартира, обустройство, а потом уж... Правда, до этого «потом» еще далеко, ведь пока что денег хватает только на меня и братьев-сестер. У нас с мамой общий бюджет, потому что по-другому никак. Я могла бы съехать, зажить своей жизнью,

но мама и так пашет на трех работах и ни с чем не справляется.

Покормив Вишенку вторым завтраком, я наконец нахожу время поесть и сама.

Только сажусь за стол, как вдруг мне прилетает сообщение от босса:

«Наталия, я надеюсь, вы захватили с собой ноутбук? Я скинул вам на почту задачи, которые нужно срочно решить. Приступайте немедленно».

То есть я должна и с дочкой его сидеть, и работу работать? Одновременно? Он что, вообще сумасшедший?

Неужели некого посадить на мое место? Взял бы Ирку из отдела продаж или еще кого. Но нет же, он ведь терпеть не может, когда что-то сделано не идеально, а, по его скромному мнению, все остальные сотрудники не годятся для работы с его драгоценными бумагами. Ему всегда меня подавай.

И плевал Роберт с высокой колокольни, что я тут, вообще-то, занята. Хотя бы для приличия спросил: могу ли я сейчас подключиться к работе. И как вообще поживает Вишенка. Справляюсь ли я. Наверное, спросил бы, если бы его это волновало. Но ведь не волнует.

У меня аж искры из глаз летят от возмущения.

Сказочный козел!

А теперь барабанная дробь.

Та-ра-ра-рам...

Вопрос на миллион: как я могла влюбиться в такого чело-

века?

Каждый день себя об этом спрашиваю.

Эх, верно люди говорят: любят не за что-то, а вопреки.

Впрочем, за три года ежедневной работы бок о бок Роберт этого так и не заметил. И не заметит никогда.

Глава 12. Тест ДНК

Роберт

Это какой-то звездац.

Это аут.

Труба. Треш! Жопа полная...

Хэдшот из огнемета — буквально.

Сажу за столом на кухне, всматриваюсь в письмо из лаборатории, которое получил этим вечером. В сотый раз перечитываю результаты и не верю.

НЕ ВЕРЮ!

Вишенка на 99,9 процентов моя дочь.

Я только пришел домой после зубодробительного дня с поездкой в полицию, миллионом телефонных звонков и неотложных дел. Хотел спокойно поужинать, восстановить силы. Полез в планшет, чтобы расслабиться, почитать новости, а тут такое.

Как?!

Как можно сделать ребенка девушке, абсолютно не запомнить факта самого контакта, прожить после этого столько времени, и тут на тебе — подарочек.

Даже если я когда-то переспал с этой Еленой, почему она не пришла ко мне, никак не сообщила о беременности, родах? Природная скромность? Идиотизм?

Но матери-то своей сообщила, кто отец, причем с подробностями. Иначе та попросту не нашла бы меня.

Значит, матери все-все рассказала, а мне не судьба? Что стоило взять и заявиться ко мне самой Елене? Чтобы я сейчас не сидел, как последний дундук, и не пребывал в тихом шоке от того, что мне на голову свалилась собственная полуторагодовалая дочь.

Что мне с ней делать теперь? Это же колоссальная ответственность, а я понятия не имею, как растить детей. Что если я напортачу? А я напортачу — это как пить дать. Ведь вырастить ребенка это не то же самое, что при помощи консультанта купить для нее необходимое.

Ребенку нужна любовь, забота, а я этого ничего не умею. Главное, я ведь не собирался делать никакого теста. Утром на автомате вытащил из халата треклятый файл с ватной палочкой, сунул в карман пиджака. Намеревался выкинуть в мусорку, что возле подъезда, и спокойно ехать по делам.

А потом...

Решил доказать моей всезнайке-секретарю, что она неправa.

Щелкнуть по носу эту доморощенную мисс Марпл.

Тем более что неподалеку от моего дома находится лаборатория, где делают подобные тесты. Приплатил за срочность, понятное дело. Мне все оформили в лучшем виде. Хотел уже вечером ткнуть Наталье в лицо результаты теста,

но...

Неожиданно в мои мысли врывается голос виновницы всех моих бед.

Наталия спрашивает участливым голосом:

— Роберт Артурович, что-то не так? Вы узнали что-то про маму Вишенки?

Поднимаю на нее взгляд.

Сегодня она сменила свой замечательный костюм с Пикачу на скромный спортивный, черный. Ноги закрыты, грудь — тоже.

Но я-то уже все видел. И меня этим свободным шмотьем не надуришь.

От собственной реакции на недавно совершенно безразличную мне девушку я злюсь еще больше. Заводит одним своим присутствием, и я понятия не имею, как у нее это получается. И сделать с этим ничего не могу, потому что это мой сотрудник.

Черт! Далась она мне со своими идеальными ногами... Стоит тут, строит из себя мисс Заботушку.

— Нет. — Грозно на нее смотрю. — Про маму Вишенки я не узнал ровным счетом ничего.

Ведь розыск пока не дал никаких результатов.

— Тогда что случилось? — Она снова нервно поправляет очки.

Молча показываю ей письмо из лаборатории.

Даже ежу стало бы понятно, что никакой адекватный муж-

чина не обрадуется новости о том, что у него откуда ни возьмись появилась полторагодовалая дочка.

Но не Наталии.

Она отчего-то решает, что новость хорошая, улыбается мне и начинает поздравлять:

— Роберт Артурович, у вас теперь есть ребенок, и это замечательно. Я уверена, что вы полюбите Вишенку, она очень хорошая. От всей души вас поздрав...

— Вы издеваетесь?! — откровенно на нее кричу.

Наталия аж начинает заикаться, явно не ожидала такой отповеди:

— В... в... в каком смысле? Я ни в коем случае не хотела...

И ну губы дуть. Явно обиделась, теперь строит из себя оскорбленную невинность. Не хотела она, ага, как же. Небось про себя всю злорадствует, что оказалась права. А передо мной тут строит непонятно кого.

— Наталия, идите отсюда! — рычу на нее. — Хоть единственный раз за день займитесь чем-то полезным. Прибери за ребенком наконец. Что вы тут развели? Бардак полнейший, игрушки по всему дивану... Поздравляет она меня... От всей души!

На этом секретарь сбегает из кухни.

А потом и вовсе слышу, как она говорит Вишенке:

— Пойдем, моя хорошая, погуляем немножко во дворе. А то тут некоторые неадекватные личности ядом плюются.

И кто тут неадекват? Я?!

Глава 13. Принятие. Почти...

Часть 2. Моя Вишенка

Глава 13. Принятие. Почти...

Роберт

Еще одна адская ночь, многочасовое кручение в кровати. Словно на гвоздях лежал, честное слово. Подушка горячая, простыни скомканные, а в голове карусель мыслей не останавливается ни на секунду.

Меня до сих пор не отпускает злость за то, что мне обрушили все это на голову. Ну как так можно? Живешь себе спокойно, планируешь дела, а тут бац — тебе суют в руки полуторагодовалую дочку.

Мне удалось уснуть лишь под утро, хоть и проснулся, как обычно, в семь. Моему организму плевать на усталость и тот факт, что сегодня выходной. Биологические часы работают четче швейцарского хронометра.

Но даже эти три часа беспокойного сна подействовали на меня благотворно. Как будто мозги на место встали, туман рассеялся.

В голову пришла идея, поражающая своей простотой.

Я могу сколько угодно злиться, пыхтеть, плевать на него-

дованием, ругать подчиненных и так далее. Могу орать, как бешеный, топтать ногами и далее по списку. Только вот факт отцовства никуда не денется.

Проблема не рассосется сама собой.

Девочка уже здесь, в моей квартире, спит в детской кроватке, которую Наталия умудрилась раздобыть в кратчайшие сроки.

Вишенка — живой человек, пусть и маленький.

Моя, твою дивизию, ответственность... На всю жизнь!

Потому что я не поступлю, как моя родительница. Я не наплюю на своего ребенка, не сдам его в детдом. Что бы там ни случилось с мамашей Виолетты, не оставлю девочку одну в этом мире. Потому что иначе меня сожрет совесть, я перестану себя уважать.

Горите в аду все, кто бросил свое чадо на попечение государства. Особенно моя дорогая мамочка, которая решила, что сын ей на хрен не сдался.

Я не поступлю так по отношению к ребенку, который носит мою ДНК.

Да, я не хотел Виолетту, не планировал, и вообще она появилась в моей жизни максимально странным образом. Но появилась ведь, и мне от этого никуда не деться.

Мне никак из этой ситуации не вывернуться, так что нужно искать пути решения. Минимизировать потери, продумать стратегии. Как в бизнесе — анализируешь ситуацию, просчитываешь варианты, выбираешь оптимальный.

У меня трещит голова, стоит представить, как разительно теперь изменится моя жизнь. Квартира, считай, игровая площадка для ребенка, а я — больше не свободный человек. Прощайте спонтанные командировки, романтические уикенды с красотками, тишина и покой после рабочего дня. Мне придется втискивать Виолетту в свой и без того плотный график, жертвовать собственным отдыхом ради ее нужд и так далее, и по тому же месту.

Слава богу, у меня есть Наталия.

Боже, спасибо тебе за такую помощницу! Если бы кто-то сказал мне неделю назад, что моя занудная секретарша окажется спасательным кругом в море житейских проблем, я бы посоветовал ему проверить голову.

Даже не представляю, что бы делал без нее...

Она фактически меня спасла, причем сделала это играючи. Потрясающий талант разбираться в любых сложных ситуациях. Такие девушки на вес золота. Зря я на нее вчера накричал, ведь старается. Ночью я пошел проверил: все чисто, игрушки убраны, посуда в посудомойке, ванна после беспредела, который зовется детским купанием, вымыта до блеска.

Встаю с кровати и чувствую себя разбитым, словно меня грузовик переехал. Мышцы затекли, шея болит, а мысли все равно не отпускают.

Спортзал — вот что мне нужно.

Отключить голову, просто дать мышцам нагрузку, и это поможет успокоиться, свыкнуться с мыслью, что моя жизнь

уже никогда не будет прежней.

Час-полтора интенсивной тренировки, и мозги встанут на место.

Иду в душ, включаю воду погорячее. Струи бьют по плечам, смывая остатки сна, мышцы постепенно расслабляются.

После душа растираюсь махровым полотенцем до красноты, чувствую, как кровь разгоняется по жилам. Возвращаюсь в спальню. Хватаю из шкафа темно-синие джинсы и серый кашемировый свитер. Выходные все-таки, костюм ни к чему.

Когда выхожу в гостиную, вижу уже причесанную Наталию все в том же черном спортивном костюме. Дался он ей... Сидит за столом с планшетом, что-то изучает с серьезным видом. Наверное, пользуется моментом, пока Вишенка спит, нагоняет пробелы по работе, молодец. Волосы у нее собраны в аккуратный пучок, очки на носу — само воплощение деловитости.

В очередной раз ощупываю взглядом ее фигуру, скрытую под костюмом.

На голые ноги не полюбуйешься.

А я бы не против, потому что очень понравились. Стройные, длинные, с изящными лодыжками. И вообще, кто придумал это дурацкое правило, что с сотрудниками не спят? Наподдать бы этому ханже как следует.

Красивая девка — и пропадает без мужского внимания.

Наталия поднимает голову от планшета, смотрит на меня удивленно:

— Роберт Артурович, а вы куда собираетесь?

В голосе легкая растерянность, словно не ожидала увидеть меня в джинсах. Привыкла к строгим костюмам, наверное.

Я деловито отвечаю:

— Наталия, как хорошо, что вы встали пораньше. Мне нравится ваш подход, не люблю тех, кто долго разлеживается в кровати. Тем более у меня для вас большой список дел.

Открываю спортивную сумку, проверяю, все ли на месте: форма, кроссовки, полотенце.

Наталия тем временем откладывает планшет, смотрит на меня с явным недоумением:

— Это, интересно, какой же список?

Голос настороженный, брови слегка приподняты. Чувствует подвох, умная девочка.

Начинаю давать указания, загибая пальцы:

— Погуляйте с ребенком, девочке необходим свежий воздух. Докупите ей одежды, чтобы был полный гардероб, — от носочков до верхней одежды. Так, что еще... Ах, да, еду ей закажите с запасом, чтобы хватило на пару недель. Подсчитайте, сколько чего надо, и составьте детальный список, пришлите мне на почту. Также необходимо найти няню — это очень серьезная задача, поэтому могу доверить ее только вам, как человеку знающему. И, если останется время, сходите с Виолеттой в химчистку за моим костюмом, тут в соседнем здании, уже пора забрать. И да, проследите за кли-

нингом, сегодня придут делать генеральную уборку в два часа дня.

Понимаю, список длинный, но у Наталии уникальная способность решать массу вопросов в рекордные сроки. Пусть проявит креативность, на то она и ценный сотрудник.

Наталия медленно встает из-за стола, смотрит на меня так, словно я сказал что-то на китайском языке:

— Так, стоп. А вы куда?

В голосе появляются протестующие нотки.

Я удивленно смотрю на нее — что за глупый вопрос.

— В спортзал, надо разгрузить мысли. Потом нужно заехать в офис, решить кое-какие вопросы. Контракты не подписываются сами собой.

Наталия качает головой:

— Сегодня суббота.

Пожимаю плечами:

— И что? Последние два дня у меня не было возможности толком заняться работой, а вы сами знаете, у меня масса нерешенных задач. Заказчики не будут ждать вечность. Так что я пошел.

Беру ключи от машины, уже предвкушаю, как через полчаса буду бежать по беговой дорожке и думать только о технике движений.

Но Наталия вдруг резко выпаливает:

— Стоп!

Она говорит это таким возмущенным тоном, что меня

невольно коробит. Словно по стеклу ногтем провели. Кто здесь вообще босс?

— Роберт Артурович, а вам не кажется, что это перебор?

Кажется, еще как. Сотрудники не должны так разговаривать с начальством. Особенно подобным тоном — возмущенным, почти обвиняющим. Уже готовлюсь ей это высказать, но что-то останавливает от резкой отповеди, какое-то шестое чувство. Может, стоит выяснить, что ее так взбесило?

Наталия делает шаг ко мне, глаза сверкают даже через стекла очков:

— То есть вы хотите, чтобы я занималась всеми вопросами вашей дочки, также проследила за уборкой квартиры, да еще и в химчистку сходила, пока вы в спортзале качаете мышцы?

Смотрю на нее недоуменным взглядом. Вроде четко выдал все указания, разложил по полочкам. Что не так-то? Логично ведь — я зарабатываю деньги, она выполняет текущие задачи. Разделение труда, как учат в бизнес-школах.

— Да, вы верно все запомнили, — киваю. — У вас хорошая память, Наталия.

И тут секретарь мне заявляет недовольным голосом, при этом еще и кулачки сжимает:

— Роберт Артурович, у меня в контракте не прописаны подобные обязанности. Я не ваша жена, чтобы всем этим заниматься, ясно вам?

Я даже пропускаю то, каким тоном она мне все это выдает. Потому что в голове вдруг складывается пазл...

Точно!

Вот что мне нужно!

Жена.

Это решит все вопросы разом. И с Вишенкой, и с домом, и с бытом, и даже с сексом. Идеальное решение, чертовски простое.

Как мне самому не пришло это в голову? Да, до появления Вишенки я в сторону женитьбы не смотрел. Но в данных конкретных обстоятельствах это самый разумный выход.

Но на эту роль абы кого брать нельзя. Нужна проверенная, надежная, умеющая справляться с любыми задачами.

А Наталия — девушка свободная, внешне приятная глазу и отлично обращается с Вишенкой. Более того, она меня привлекает. Фигура что надо, а лицо... Даже с наличием очков я уже смирился. В конце концов, ей можно сделать операцию и убрать этот дефект.

На данный момент никого более подходящего на роль супруги я не вижу, а искать нет ни времени, ни желания. Зачем тратить энергию на поиски, если подходящая кандидатка прямо передо мной?

Я ставлю спортивную сумку на пол. Игнорирую недовольный взгляд Наталии, и делаю шаг к ней, потом еще один. Вдыхаю аромат ее духов, легкий, цветочный, совсем не навязчивый.

Говорю как можно ласковее, почти нежно:

— Наташенька, да вы гений!

Она явно ошарашена, отступает на шаг назад:

— Что?

Не отвечаю, а делаю то, о чем подумывал два последних дня.

Встаю к ней почти вплотную — так близко, что чувствую тепло ее тела, слышу, как участилось ее дыхание. Наклоняюсь и целую в губы.

Нагло и решительно, потому что по-другому она вряд ли далась бы.

Губы у нее мягкие, теплые, слегка дрожат от неожиданности. Вкусные! Мятная зубная паста и... Сама Наталия.

Сначала она замирает, словно не верит, что это происходит. Потом ее ресницы трепещут, глаза закрываются, и она отвечает на поцелуй — неуверенно, робко, но отвечает. И это делает контакт наших губ по-настоящему особенным.

Я-то думал, что просто проверю совместимость, а тут такая буря эмоций...

Несмотря на то, что от нее отрываюсь, смотрю в опьяневшие от поцелуя глаза — зрачки расширены, ресницы широко распахнуты. Даже очки не скрывают ее состояния, наоборот — делают взгляд еще более беззащитным.

Наталия сбивчиво дышит:

— Что это было?

Ее голос хриплый, слегка дрожит. Рука инстинктивно

поднимается к губам, словно она не может поверить в случившееся.

Я улыбаюсь, чувствуя азарт победителя:

— Наташенька, ты и будешь моей женой.

Даже сам не замечаю, как отбрасываю официальное «вы»

— после такого поцелуя церемонности ни к чему.

Она широко распахивает глаза:

— Что?!

Голос взлетает на октаву выше.

— Это решит все вопросы, — объясняю идеальную логику своих мыслей. — Ты умная, хваткая, справишься и с Вишенкой, и с квартирой, и с прочими женскими обязанностями. Я в тебе уверен на сто процентов. Также думаю, нам будет хорошо в постели — химия между нами есть, это сейчас подтвердилось. Так что давай без лишних церемоний переезжай ко мне прямо сегодня. Пару месяцев поживем так, должен же быть какой-то тест-драйв, верно? Если меня все устроит, распишемся.

Я пропускаю момент, когда ее ладонь взмывает в воздух и летит в мою сторону. А когда замечаю, как она приближается к моему лицу, так обалдеваю, что даже не успеваю перехватить руку.

Пощечина получается хлесткая и звонкая, отдается болью в челюсти и звоном в ушах.

Но на этом Наталия не останавливается. Хватает сумочку, что стоит на полке, а потом как есть, в черном костюме, даже

не захватив куртку, выбегает из квартиры. При этом громко хлопает дверью.

Потираю пострадавшую щеку и пытаюсь сообразить, что произошло.

Что ее так взбесило? Я ведь максимально деликатно все объяснил.

Глава 14. Вишенка проснулась

Роберт

Ошалевший от дикого поступка Наталии, я стою столбом в гостиной.

Теряю те драгоценные несколько секунд, которые мне необходимы для того, чтобы срочно вернуть непокорную деву в квартиру.

А ведь я остался один на один с Вишенкой. Один! Совсем один...

Мысли мечутся в панике: я же не умею обращаться с детьми.

Что я буду делать без Наталии? Я же с ума сойду! Надо срочно ее вернуть.

Наконец очнувшись от ступора, несусь за ней.

— Наталия! — начинаю кричать еще в прихожей. — Наталия, вернись немедленно!

Открываю дверь в надежде, что она еще ждет лифта, но на лестничной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.